

Хромой странник

Автор:

[Тимур Рымжанов](#)

Хромой странник

Тимур Рымжанов

Колдун #1

Колдун, коварь, аред, зелейщик – вот далеко не полный список прозвищ, которыми наградили далекие предки своего потомка, волею судьбы оказавшегося в средневековье. Он не добрый и не злой. Умеет вылечивать раны, может вызвать гром среди ясного неба, предсказать будущее и снять злое проклятье. В бою с ним не может справиться и дюжина опытных воинов, а в ремесле ему нет равных мастеров. Для одних он воплощенное зло, для иных – добродетель. Выживать – для него это просто, а вот жить тихо и спокойно – это не в его характере.

Тимур Рымжанов

Хромой странник

1

Я не раз падал с неба. Первый раз меня просто вытолкнули, точнее – дали пинка под зад и я, воя от ужаса и восторга одновременно, рухнул в бездну очередным желторотым птенцом, которого «заботливый» отец-командир спровадил из ребристого чрева натужно ревущего самолета в свободное падение, дабы не тормозить конвейер по штамповке элитного воинства под легендарной

аббревиатурой ВДВ.

С воплем летя вниз, я только и заботился о том, чтобы все сделать правильно – как учили. Лишь за несколько секунд, прежде чем коснуться земли, наконец-то осознал, что парю свободно в тишине, и лишь приглушенный мат отца-командира, тоже висевшего под куполом парашюта, только чуть повыше, и распекавшего на лету кого-то из курсантов, нарушал эти благодатные мгновения. В один миг восхитился чудесным видом и, едва успев сгруппироваться, тут же шлепнулся на распаханное поле.

Потом были еще прыжки: в снег, пыль, грязь. Днем и ночью, в мороз и жару. В полной боевой выкладке и налегке, в зависимости от поставленной цели и учебного плана. Со временем приближающиеся так стремительно холмы и поля рассматривал с единственной мыслью о том, как по ним придется бежать или ползти, выполняя боевую задачу. Там, наверху, время идет совсем по-иному. В одну секунду можно вдохнуть полноту ощущений всей той бесконечной красоты, что стелется у ног, кружится хороводом облаков и лазурью над головой. Как в тот краткий миг первого прыжка. Но это было так давно...

Я не раз падал с неба. Но к этому падению я был совершенно не готов. Нет ориентиров. Ничего нет! Цирковой балаганчик, подхваченный ураганным ветром, размазанный в пространстве... Неосознанно, рефлекторно поджал колени и... завалился на бок. Просто рухнул, как мешок с картошкой, на какую-то поверхность, больно треснувшись головой. В ушах еще звучал протяжный, гулкий стон, какая-то невыносимо низкая нота, почти неслышимая ухом, но ощущаемая всем телом как невидимый пресс. Казалось, от этой странной волны вибрирует все вокруг, само небо и земля сотрясаются. Я отчетливо помнил, как заплясал молоток в руках, словно колокол загудела наковальня, детали и инструменты посыпались с деревянного верстака. Огонь в горне словно бы ожил, и почти погасшее пламя на мгновение выкинуло ярко-оранжевый всполох, выдохнуло, озаряя золотым лепестком сумрачную мастерскую.

В глазах двоилось, кожу как будто бы скрутили липкой лентой, боль электрическим импульсом пронзила все тело. Стряхнув с руки кожаную перчатку, невыносимо горячую, попробовал перекатиться на живот, чтобы приподняться, но в колено впилось что-то очень угловатое и колющее. Невольно перемещая центр тяжести на другую ногу, я опять завалился. В голове

вертелась расписная детская карусель с лошадками, пестрая, яркая до тошноты. На лице еще чувствовался жар от огня. Кожа рук на ощупь была теплой, влажной, и от нее шел пар. Это я наконец сфокусировал зрение. Упругий поток воздуха неприятно охлаждал взмокшую поясницу, продираясь выше по спине, между складок задравшейся толстовки, надетой прямо на голое тело. Резко запахло сырой землей, прелой травой или тиной... Пытаюсь осмотреться... так и есть – валяюсь на развороченной земле, уткнувшись мордой в траву и где-то неподалеку осатанело квакают лягушки.

Звон в голове постепенно утихал. Не знаю, чем он был вызван, сильным ударом или неожиданной вибрацией этой странной железки, торчащей на подставке, что вдруг зазвучала в моей мастерской, затряслась на верстаке по неведомой причине.

В первый момент, как только увидел ее, среди разложенного на земле, поверх косо настеленных газет, кое-где прижатых камешками, убогого товара стихийно возникшей барахолки, она показалась мне похожей на камертон. Не на лиру или подкову, как сказала та старушка при товаре, обмахиваясь каким-то причудливым линиялым веером, а именно на камертон. Вот ведь приглянулась такая безделица!

Но на фоне того «богачества», что зябко и сиротливо ежилось, старательно разложенное старческими руками на газетках у ног немногочисленных зевак, она зацепила мой взгляд причудливым изгибом силуэта. Немного вычурной формы, с загнутыми концами, на массивной стальной подставке. Спортивный трофей? Похоже. Но скорее приз за творческие достижения на ниве клубной самодеятельности от какого-нибудь профсоюза... Торговаться особо не пришлось. Бабка определила стоимость этой вещи просто – по весу, не учитывая художественной ценности, руководствуясь какими-то своими собственными представлениями о бизнесе, а скорее, простым житейским расчетом: купили – и слава Богу!

Солнце висело над горизонтом огромным раскаленным куском металла, как расплавленный чугун пылало оттенками красного и желтого. Я посмотрел на него, прищурился взглядом, и тут же отвернулся, не выдержав яркости светила. Метрах в десяти от меня притягивающе журчал крохотный ручеек, пробивший себе овражек в глинистом склоне у подножья холма. Вокруг стелились луга, плывущие маревом у горизонта, заполняя все пространство бешеной трескотней кузнечиков.

Если это обморок, бредовый сон, то какой-то уж очень натуралистичный. С насыщенным запахом пространством, наполненным реально воспринимаемыми звуками, потоками струящегося вечернего бриза, обдувающего разгоряченное лицо... В действительности, что могло стать причиной обморока? Перегрелся у горна? Надышался гари? Схлопотал инсульт? А может, и вовсе помер?! Нет! Последняя версия мне очень не нравится! Да и вариант с инсультом как-то не греет.

Просто нужно найти объяснение такому внезапному изменению в окружающем меня пространстве. Хоть какую-то версию, если только все это мне не снится. Нет! Таких снов не бывает! Это реальность!

Я ощупал землю под коленом и тут же наткнулся на тот самый загадочный «камертон», с которым провозился весь день, очищая его от грязи и ржавчины. В метре от меня валялся молоток – видимо, выпал из руки, когда я рухнул на землю. Тут же, возле молотка, разбитая в щепу ножка и кусок столешницы от верстака с обрезками жести и опилками. У меня под левым бедром – толстенный том справочника, раскрытый, упавший вниз страницами. Трава вокруг смятая, словно ее хорошенько вытоптали, заваливая стебли луговых трав в одну сторону.

Не хватало самого важного. А именно – всей моей мастерской, старого завода, где я арендовал эту мастерскую, заводского района, где находился этот завод, и вообще всего родного города, в котором я жил.

Не очень-то отдавая отчет своим действиям, преодолевая сопротивление вдруг ставшего чужим тела, беспомощно барахтаясь в траве, подтащил к себе все те вещи, что оказались рядом со мной и, поджав ноги, стал осматриваться по сторонам.

В полукилометре слева берег реки. Справа и чуть позади темно-зеленая полоска леса, не более чем в километре. Вокруг необъятное, покрытое разнотравьем поле. Ну действительно как с неба свалился. Воздух изменился – казался холодным и колючим, даже шершавым. Дыхание еще было затрудненным, как после пробежки или пары десятков быстрых отжиманий. Боль в голове растекалась пульсирующими волнами. Несмотря на экстремальность ситуации, мозг отказывался работать в авральном режиме. Ужасно хотелось пить. Я только горько усмехнулся. Теперь понятно, почему человеку, который вдруг по какой-то

причине почувствовал себя плохо, сразу давали стакан воды. Он был бы сейчас кстати. А лучше пивка, холодненького! Потому что мне так плохо, как сейчас, никогда не было!

Так, спокойно! Без истерики. Что мы имеем? Реку, поле и лес. Замечательно! Еще есть красивое небо и яркое солнце над горизонтом – лучше не придумашь!

Все остальное – потом, по мере поступления новой информации: все равно в голове ни одной разумной мысли о произошедшем. И ладно бы, если б пил беспробудно, страдал бы психическими расстройствами, кололся всякой гадостью, курил траву бамбук или глотал колеса. Ведь нет же! По утрам пробежки, чтоб жиром не заплыть, по полчаса на турнике в несколько подходов... вот только курить никак не брошу.

С мыслью о куреве порылся в карманах куртки. Две пачки сигарет, одна только начатая, другая еще запечатана. Что еще интересного в карманах? Зажигалка, старый проездной, пропуск на завод, рублей двадцать мелочью и три сотни бумажками. Еще метчик с резьбой на восемь и гайка на десять. Даже на джентльменский набор не тянет.

Выкурив сигарету до половины, стал расстегивать пряжки, снимая через голову тяжелый кожаный фартук. Вещь была знатная. Знакомые расплатились за какую-то работу великолепным куском толстенной воловьей кожи, который я тут же раскроил на фартук...

Пить все-таки очень хотелось. Выкуренная сигарета только усилила это желание. Посмотрев в сторону журчащего ручейка, поймал себя на том, что выбираю подходы к нему, словно нахожусь на задании после выброски и надо постараться не оставить следов после водопоя. Тьфу! Бред! Чтобы отвлечься от явных признаков паранойи, подтянул к себе поближе растрепанный томик справочника. Бережно расправил загнутые страницы и счистил кое-где приставшую грязь. «Энциклопедия забытых рецептов» – моя настольная книга. Редкий день в мастерской обходился без того, чтобы не заглянуть в этот великолепный сборник. Раздел книги с главой по обработке металла был затерт и замусолен намного больше, чем, например, глава, где приводились рецепты приготовления парфюмерии, лаков, мастик или приемы обработки дерева и кости, но и там можно было вычитать интересные варианты. Сдунув пыль и травинки со страниц, закрыл книгу и отбросил на расстеленный в траве фартук. Туда же швырнул молоток и перетянул все это поясной лямкой.

Еще раз посмотрел на ручеек, который журчал слева от меня, невольно сглотнув сухой ком в горле.

Сколько прошло времени? Минута, две? Может, чуть больше. Мои карманные часы остались висеть на гвоздике в мастерской. В голове по-прежнему ни одной светлой идеи и назойливое чувство тревоги.

Ручей стекал вниз по холму и, надо полагать, впадал в реку. Не нужно быть гением, чтобы догадаться, что там, на пригорке, – родник.

Вставая с сырой земли, я не без сожаления убедился, что у меня очень сильно разболелось колено, а все тело пронизывает неприятная мелкая дрожь, словно с похмелья. Глоток свежей воды просто обязан реанимировать оцепевшее сознание, вернуть к жизни или вывести из этого странного, бредового, затянувшегося кошмара.

Солнце коснулось горизонта в тот момент, когда я поднялся на вершину пологого берега. Реку отсюда было видно просто замечательно, со всеми изгибами и отмелями, с густым кустарником, нависшим над самой водой. Еще одна плохая новость: скоро стемнеет, а я понятия не имею, где нахожусь и как сюда попал. Единственный положительный момент лишь в том, что хотя бы знаю теперь, где запад в этой затянувшейся галлюцинации. Хотя если это действительно галлюцинация, то какое значение имеют стороны света?

Родник пробил лунку в высокой траве, образовав небольшую лужицу. Пришлось примять стебли, чтобы наклониться и утолить жажду. Вода была ледяной до такой степени, что даже вкус ее не чувствовался. Я жадно глотал воду, черпая ее ладонью. Напившись, помыл руки и ополоснул лицо. Это чуточку придало бодрости, но ненадолго.

Пока было светло, я решил еще раз внимательно рассмотреть странный предмет, который сегодня утром принес в мастерскую и стал чистить с таким усердием. Круглая подставка, без всяких сомнений стальная, потому что отчетливо видны следы стариннойковки. Размером чуть меньше чайного блюда, толщиной сантиметра два. Камертон, как я его назвал, а скорее действительно маленькая подковка с загнутыми концами на тонкой ножке – в самом центре. На внешней части подставки какие-то рисунки, орнамент или надписи, но разобрать их при таком тускнеющем освещении невозможно, да и

очищен он еще не до конца. Тогда на рынке, увидев его среди убогого товара старушки, я первым делом подумал о том, для чего мог бы понадобится такой странный предмет. По всем признакам он был целый. Без отломанных или потерянных деталей или частей. Он не был похож на подсвечник или подставку. Что-то совершенно самостоятельное, законченное, но мне незнакомое. Он даже домашней утварью не казался. Нет сомнений в том, что именно этот предмет стал причиной моего появления здесь. Зажатая в ладони витая ножка еще вибрировала, обдавая кожу то теплом, то холодом. Я еще толком не знаю, где «здесь», но явно не там, где я был. Вот, собственно, и все скудные логические построения моей отупевшей башки. Что остается делать? Идти. Ничего другого на ум не приходит. Идти, искать людей, выяснять обстановку, и самое главное – не паниковать и не пороть горячку.

Легко сказать, трудно сделать. Кто бы на моем месте не паниковал, а? Правильно. «Крутой перец» из славного войска дяди Васи! Сокращенно – ВДВ. На душе, искорябанной кошками, немного полегчало. Незримо и неслышно включился механизм, отлаженный еще армейской службой и отшлифованный в училище.

Дыхание стало глубже, спокойнее, зрение и слух обострились.

На берег реки плавно оседали сумерки, краски тускнели, звуки приглушались. Я слышал непрерывный треск оравы кузнечиков и цикад в траве, клекочущие вскрики птиц у берега, шелестящий шум ветра, жужжание суетливой мошкеры. Это не ледяная или знойная пустыня, не открытое северное море и не крутые скалы. Меня учили справляться с такими ситуациями, меня учили не терять рассудка. Как бы нелепо и странно все ни казалось – условия благоприятные. Тепло, сухо, уютно, на первый взгляд безопасно. Причин для паники нет. Я уверенно ориентируюсь, знаю направление сторон света, и окружающий пейзаж не кажется чуждым и опасным.

Я стоял в полный рост, неторопливо осматривался по сторонам, в тот момент, когда какой-то очень резкий звук, похожий на щелчок, резанул по воздуху со стороны леса.

Я еще слышал отзвук эха, в тот момент, когда тело уже действовало. Организм, словно бы вспомнив когда-то усиленные тренировки, среагировал мгновенно, и я сам не понял, как оказался на земле.

Такое впечатление, что от ушиба у меня в мозгу нарушились какие-то причинно-следственные связи, и я все понимал и осознавал многим позже, чем действовал.

Звук не был похож на выстрел – слишком короткий и сухой. Как бы в завершение и подтверждение этой мысли до меня донеслось протяжное мычание.

Я привстал, опершись на колено, и осмотрелся. Вдоль кромки леса по вершине пологой гряды плелось небольшое стадо коров. Некоторые были уже у самой опушки. Мне с трудом удалось разглядеть пастуха. В серой и выцветшей одежде он был почти незаметен в сумерках на фоне поблекших луговых трав. Надо думать, именно щелчок его кнута я слышал так отчетливо. Под громкое гиканье и соло на кнуте коровенки прибавили шагу. Я торопливо засуетился, пускаясь вдогонку.

До него действительно было не меньше километра, как я в первый момент и определил расстояние до леса. Что ж, можно считать это хорошей новостью. Если есть крестьянин со стадом, то, стало быть, есть и поселок. А если есть поселок, то это решение всех проблем и ответ на все вопросы.

В первый момент хотелось идти побыстрее, догнать пастуха с его буренками еще до того, как тот скроется из виду. Но несколько быстрых шагов тут же заставили меня сбавить темп. Старая травма колена дала о себе знать и затормозила, окатывая болью при каждом шаге, а крестьянин как-то очень быстро скрылся из виду. Шустрый попался.

Проковыляв примерно половину пути, я оглянулся на берег реки в надежде запомнить расположение основных ориентиров. Сумерки накатывались густой тенью, так что следовало поторопиться. По всему видно, что место, в которое я угодил, очень глухое. Ни с этой стороны, ни на другом берегу реки не было видно ни одного огонька. Вот ведь угораздило, блин!

От леса веяло холодом, чуть сладковатым ароматом сосен, сыростью. Вовремя заметив на пригорке свежую коровью лепешку, я обошел ее стороной. Здесь трава была ниже и изрядно пощипана. В лес вела единственная широкая дорожка, по которой и прошел недавно пастух, погоняя скот.

Как бы в подтверждение того, что где-то за кромкой леса находится поселок, вдалеке залаяла собака. Сначала одна, следом еще пара подхватили ее

завывания и лай.

Я остановился для короткой передышки, присел на кочке, снял ботинки, вытряхнул и снова обул, на этот раз плотней затянув шнуровку и заправив джинсы под голенище.

Ветер ворошил верхушки сосен, трепал лохматые ветки из стороны в сторону, шумел, будто волны прибоя. Я чувствовал запах недавно прошедшей здесь скотины, ощущал присутствие жилищ, близость людей. От этих ощущений становилось легче и спокойней.

Давно не был в лесу. За прошедшее лето так ни разу и не выбрался. Все работа, работа. Ну, если только не считать нашего пикника на Первомайские праздники, но тогда так наакался, что мне было не до лесных красот. Помню только, что плюхнулся в озеро как был, в одежде, но так толком и не протрезвел. Нет, та загородная вылазка не в счет.

Лес показался каким-то странным. Первое, что настораживало, так это удивительная беспорядочность и отсутствие всякого мусора, характерного для близкого проживания человека. Ни окурка, ни битых бутылок, ни всевозможных по пестроте полиэтиленовых пакетов и бумажек. Ничего! Даже если эти места далеки от крупных городов и любителей отдыхать на природе, после которых остаются горы мусора и битых бутылок, все равно сельские жители тоже мастера украшать ландшафты раскуроченными тракторами, комбайнами и прочей техникой.

Здесь же – словно заповедник. Деревья растут довольно часто, с густым подлеском. Прежде мне казалось, что сосновые леса несколько светлей, просторней. Отойдя метров на сто вглубь, понял, что с трудом могу видеть тропинку под ногами. Глаза еле различали очертания предметов да редкие просветы неба в густой кроне. Лес наполняли странные звуки. Словно и не сосновый бор, а джунгли какие-то. Слышались протяжные завывания, потрескивания, уханья. Окружающие меня заросли просто кишели живностью. В траве что-то шелестело, урчало, противный скрежет доносился с веток, из кустов. Ощущения были жутковатые и неприятные.

Как мог по возможности отвлекаться от этих мыслей. Убеждал себя в том, что несколькими минутами раньше тут прошел пастух со стадом довольно пугливых

животных. И сейчас слышны щелчки его кнута далеко впереди, какие-то неясные выкрики, протяжное мычание коров. Смотрел вперед перед собой, почти интуитивно шел прямо, ориентируясь только на звуки стада. Наконец увидел среди редяющих деревьев проблески света, как зарево нескольких костров. Ветра в лесу почти не было, и запахи поселения чувствовались явно.

Открылась огромная поляна, со всех сторон как стеной огороженная лесом. Небо уже потемнело, и яркие звезды вспыхнули над верхушками деревьев.

Тропинка выводила на довольно ровную притоптанную площадку, на которой стоял высоченный столб в два обхвата, вкопанный в землю. Вокруг столба полукругом выложено несколько больших камней. Дальше за площадкой загоны, где, собственно, и разместили весь скот. Пара покосившихся сараев и пять или шесть домов тоже, как и сараи, такие же низкие и приземистые, во мраке почти неразличимые. В поселке пахло дымом, чем-то копченым, жирным. Держа за ляжку сложенный кульком фартук со своими пожитками, я закинул его на плечо. Расстегнул куртку и подошел к ближайшему загону. За стогом сена слышалась возня, какие-то неясные причитания. Скрипнула дверь одного из сараев, и на улицу вышел низкорослый мужичонка с коротким факелом в руках. У ног мужичка вертелся лохматый пес. Мужик сплюнул, зевнул и сделал было шаг вперед, как вдруг собака у его ног звонко залаяла, но с места не сдвинулась. Тут же откуда-то из темных закоулков, из-под ног притихших коров выскочили с десятков псов и бросились ко мне.

Лай поднялся такой, что я даже не сразу сообразил как себя вести, то ли бежать, то ли отбиваться от мохнатых сторожей. Собаки обступили меня полукругом, но приблизиться боялись, просто гавкали и рычали, скалили зубы, держась на расстоянии. Вслед за собаками появились встревоженные люди. Они выходили из домов, из сараев, подбегали друг к другу, разжигая факелы. Я стоял как вкопанный, боялся пошевелинуться и спровоцировать собак еще больше. Да и местное население мне показалось как-то очень недружелюбно настроенным.

– Добрый вечер, – сказал я, достаточно громко, чтобы меня услышали обступающие люди.

Появился еще один коротышка, вышедший из-за стога сена. Этот оказался ближе всех на тропинке и был единственным, у кого в руках не было факела.

– Добры, – как бы вторя моему тону, повторил он.

На площадке у загона толпились жители поселка. Некоторые из них стянули с рубах пояса и, свернув петлей, набрасывали на шеи собакам. Те в свою очередь утихали и начинали вилять хвостами, оборачиваясь на хозяев.

– Я прошу прощения за беспокойство, заплутал малость, знаете ли, никак к дороге не выберусь. Не подскажете...

– Товарин полег? Пеши? – спросил мужичок насупившись и стал озираться по сторонам. – Мурома? Ясак!

– Простите, я не очень понимаю. Мне бы к трассе выйти, а там уж я как-нибудь сам доберусь.

– Татъей на люду встал, так запричитал! – злорадно ухмыльнулся мужик, потянувшись за вилами у стога.

«Староверы, – подумал я, но с места не сдвинулся. – Если и так, то какие-то уж шибко ортодоксальные, да к тому же буйные. Так все мирское ненавидят, что даже разговаривать с чужаком не хотят. За вилы хватаются. Одичали совсем. Если староверы, то и понятно, почему у них во всем поселке электричества нет. Про телефон, я так понимаю, спрашивать и вовсе нет смысла».

Местные обступили меня со всех сторон. Я стоял как бы в круге огней. Трубно мычали коровы, лаяли собаки, народ о чем-то тихо перешептывался, а я не мог уловить ни слова, ни смысла этих разговоров. Все какие-то низкорослые, бугристые, всклокоченные. Они что, все карлики, или это сказочные гномы?

От факелов шел неприятный кисловато-горький запах. Я настороженно окинул взглядом толпу и понял, что у каждого жителя этой странной деревушки в руках уже были топор или дубина, вилы или цеп.

– Все! Я вас понял, – сказал я как можно спокойней и отвел свободную руку в сторону. – Вы не знаете, как выйти к дороге. Ничего страшного, сам найду. Еще раз прошу прощения за беспокойство...

Из-за спин коренастых бородатых мужиков, плотно стоящих друг к другу, вышла женщина в длинном платье и странном головном уборе. Вроде как в платке, но такое впечатление, что под платком у нее был какой-то сверток или валик, как нашлапка на темечке. Она прикрыла ладонью глаза от света факела и какое-то время смотрела на меня. Затем отшатнулась, выпучила глаза, взмахнула вверх руками и заверещала так громко и пронзительно, что даже мужики невольно вздрогнули и собаки на миг притихли:

- Половцы идих! Половцы!

Женщина захлебнулась в своем вопле, чем-то напоминающем сирену, а мой неосторожный шаг назад спровоцировал первый удар. Деревянные вилы резанули воздух возле уха. Факелы сместились еще ближе. Коротышка сделал шаг вперед и повторно ткнул вилами, на этот раз целясь точно в шею. Проворный, гад!

Я словно в тумане, замороженный накатившими событиями, машинально развернул корпус, уклоняясь от удара, и так же просто, как и нападавший, занес свободную правую руку вверх, шагнул вперед и резко саданул локтем в левую ключицу сверху вниз. Когда-то таким ударом я ломал стопку кирпичей.

От удара мужик только гортанно крякнул, побагровел и стал размахиваться для нового удара, но я пнул его под колено с разворота и чуточку толкнул от себя. Коротышка брякнулся на землю, а занесенные для атаки вилы упали сверху и шваркнули задиру по морде.

Именно в этот момент я понял, что оставаться здесь больше нет никакого смысла. Дороги я не узнаю, а вот навешают от души, если и вовсе не зашибут. Вон как раздухарились. Я только перехватил сверток обеими руками и рванул обратно в сторону леса, туда, откуда пришел.

Мужики, размахивая факелами, сбегались к поверженному мной коротышке. Видя, что я отступаю, они как бы потеряли всяческий ко мне интерес. Но с этого мгновения мной сильно заинтересовались собаки и словно по команде бросились вдогонку.

Они не кусались. Лаяли, подпрыгивали. Зачем-то старались дотянуться передними лапами до локтей. Клацали зубами в опасной близости от колен и

лодыжек, дотягивались в прыжке даже до пояса, но так ни разу и не цапнули.

Метров триста я бежал, начисто забыв про больное колено, острая боль в суставе как бы на время отступила. За спиной слышались уже несколько надрывных женских голосов, крики сельчан. Псы умерили прыть и поотстали, почему-то не решившись преследовать меня в темном лесу. Бросили погоню, но лаять и рычать не перестали.

Огни поселка остались позади, только редкие сполохи факелов проглядывали среди густых веток подлеска. Я шел, не разбирая дороги. Вернуться на ту же тропинку так и не удалось. Просто продирался вперед, опустив голову и выставив руку, чтобы не напороться на ветки или ствол дерева.

Дурная была мысль явиться в незнакомый поселок на ночь глядя. Что за стадное чувство! Куда коров погнали, туда и я поперся! Бык безрогий! Сидел бы себе на берегу, глядишь, чего и выждал бы! Ведь даже в школе на уроках ОБЖ учили дурака, что нужно держаться открытых пространств, а уж если есть река, то поселение искать возле реки, а не в лесу, впотьмах!

Лес кончился как-то очень внезапно. Со стороны, наверное, могло показаться, что я просто вывалился из густого кустарника на опушку и замер, с сожалением глядя на догорающие краски заката.

Ничего не скажешь, веселое окончание понедельника.

Я брел вдоль опушки обратно к реке. Колено разболелось с новой силой, и я старался не напрягать правую ногу. В мозгу все еще вертелись обрывки стремительных событий. Голова пухла от всевозможных догадок, но ни одна из них не могла меня удовлетворить. Мысли возвращались к утренним событиям...

День начался как обычно. Утром встал, никуда не торопясь, пешочком прошелся до завода. Под конец лета работы было немного. Обычно весной или осенью заваливают заказами, а летом все в отпусках.

Что всегда происходит в начале рабочего дня? Ну разумеется, согреть чайку, покурить, послушать новости по радио и только потом можно переодеваться. А может и не переодеваться, а сразу за пивом! Моя кузница! Сам себе хозяин! Что хочу, то и делаю!

Черт! Споткнулся, и стальная подставка, выскользнув из заплечного кулька, больно саданула в затылок, словно напомнила о себе. Нет сомнений, что она причина всему, эта странная железяка, которую я купил у старушки на барахолке в выходные. И ведь неприметная с виду была, ржавая, кое-как обтертая от грязи. Нет же, взгляд за нее сразу зацепился, и пока не купил, не выторговал – не мог отойти от бабки.

Может она, карга старая, какой заговор знает, чтобы покупателя к себе подманивать! Бред какой-то!

Хотя что я могу говорить о бреде, если сам уже в каком-то кошмаре ковыляю, злой и уставший. Нарвался на шайку староверов или сектантов. Получил от ворот поворот, хорошо еще не покалечили. Сам виноват! Раскрыл варежку! Пора уже очухаться и держать ушки на макушке...

Костеря себя на все лады, я продолжал прокручивать в голове калейдоскоп событий. Как увязать между собой мою мастерскую и этот чертов берег реки? Стоп! Не злись, вспоминай дальше!

Итак, я выпил чаю, переоделся, взял мягкую металлическую щетку и стал обдирать грязь с этой загогулины. Провозился часа два с перекурком и короткой вылазкой в магазин – за сигаретами и хлебом. После обеда разжег горн и, пока тот разгорался, пролистал справочник, выискивая рецептик простенького растворителя. В конечном счете плюнул, так как ничего простенького не нашел и по старинке оттер этот камертон банальным бензином. Назначение предмета так определить и не удалось. Ума не мог приложить, для чего нужна такая неказистая вещица. Стальная круглая подставка, в нее намертво вделанный штырек, на штырьке подковка с закрученными концами. После бензинчика и мягкой кисточки вещь приобрела вполне приличный вид, и даже выяснилось, что ржавчина не сильно повлияла на поверхность металла, так – мелких раковин нагрызла. Сохранились на подковке и подставке узоры, даже какие-то неразборчивые каракули.

Отложил в сторону, на верстак, как раз возле справочника.

Часам к четырем разгорелся горн, я сделал два гвоздодера – мастер соседнего цеха просил себе на дачу. Расклепал старую оградку, что Колян мне припер еще в субботу. Заложил в горн две болванки под топоры.

Позвонил Санину на металлобазу, заказал тонну двенадцатого квадрата на ворота Рустаму. Потом взялся за топоры.

Вот с этого момента все и началось. Стоило мне только включить пневматический молот, как тут же послышался этот странный гул. Я еще подумал, что на маховике молота ремень лопнул или поршневая бьет, но даже когда отключил двигатель, гул не прекращался.

Бензин! Я чистил железяку бензином! Вполне возможно, что надышался паров! Черт его знает, что они в него теперь добавляют.

Гул не прекращался и в тот момент, когда я, несмотря на головную боль, решил все ж таки доделать топоры. Первый момент ничего, легкий толчок и ощущение, будто за стенами мастерской пронесся товарный поезд. Второй, третий – тихо. Только на пятый или шестой удар молота меня словно бы пудовой гирей в грудь стукнули. Я отлетел к верстаку, упал. Надо полагать, серьезно приложился головой. Потому как сразу помутнело сознание и пошло-поехало плющить да колбасить.

Следовательно, из моей памяти вырван кусок, как я вышел из мастерской, прошел половину Рязани насквозь, сел на загородный автобус, уехал в область, потом забрел на берег реки, снова упал и как бы пришел в себя!

Да быть этого не может! Меня бы уже на выходе с завода остановил Семеныч! Мимо этого старого партизана на проходной таракан с крошкой не проскочит! А тут здоровенный детина под два метра ростом, с молотком, в фартуке, с остекленевшим взглядом, ах да, еще с книжкой в руках, вырванными досками из столешницы верстака и странной железной загогулиной под мышкой!

Очень нескладно, Артурчик, у тебя выходит вся эта история! Знаю, что нескладно! Но как-то же, черт возьми, я оказался за городом! Не по воздуху же я туда перелетел! В сказки я не верю. Вот только после той травмы на учениях, когда армейские эскулапы, ловко собрав из разрозненных кусочков мою покалеченную ногу, озадаченно изучали снимки сильно стукнутой головы,

осторожно предупреждая, что последствия еще могут сказаться... Вот! Это в тему! Просто у меня с головой непорядок. И сейчас-то калган чумной, а уж что было часом раньше – и описать трудно. И как назло телефона с собой не оказалось.

А может, меня сперли пришельцы?! Подкрались сзади, тюк по «тыкве» – и уволокли в свою летающую тарелку! Но на кой черт я им сдался? Выпытать из меня секрет дамасской стали? Бред! Вот и они, наверное, так подумали, решили, что не того взяли и «поклали взад» на землю, куда попало, подальше от свидетелей, чтобы без риска. Нет, эта версия вообще никакой критики не выдерживает.

Я уже пожалел, что так далеко ушел от родника, где с таким удовольствием утолил жажду. В такой кромешной тьме я его теперь не найду, если только на ощупь. Слева река, обрывистый берег, справа стена леса. В лес я больше не пойду, там живут неадекватные люди с неадекватными собаками, которые не знают или не хотят знать русского языка. Становится прохладно и зябко, так что и к реке я тоже не пойду морозить себе задницу. Хоть и август, а застудиться нет никакого желания!

Ни одного ориентира! Ни одного огонька! Только лес пугающе ухает и скрипит да река коварно притаилась и, выбрасывая на берег мелкие волны, как бы шепчет, бормочет, гипнотизирует.

Пройдя еще с полкилометра вдоль излучины, я нашел довольно уютную впадину, по которой можно было спуститься к воде, не прыгая с высокого берега. Там же, возле впадины, валялся ствол сосны, просушенный, старый. Вот возле него я и решил остановиться и прекратить на сегодня бездумное, нелепое метание по незнакомой местности. А что? Разведу костерчик, посижу, покурю – глядишь, умная мысль в голову придет.

В памяти четко проявился момент, когда странный, очищенный мной от грязи железный камертон стал вдруг ни с того ни с сего вибрировать и словно бы притянул к себе, как магнитом. Схлопнул надо мной что-то, словно створки раковины, как бы смял пространство. Я не терял сознания, не падал в обморок. Просто бах, и как на качелях – стремительное падение вниз и жесткий удар. На мгновение показалось, что нечем дышать, окунулся в ледяную воду, в прорубь. Но на щеке еще чувствовался жар от горна, рука была влажной от работы, лоб в испарине...

Надрав в темноте несколько пучков, как мне показалось, сухой травы и мелких веток, я собрал их в небольшом углублении на берегу и стал отламывать от поваленной сосны сначала мелкие, а затем уже и более крупные ветки. Те, что не отламывались, отбивал молотком. Костер долго дымил, приходилось раздувать и повторно подкладывать сухую траву. Наконец пламя зацепило довольно массивные прутья и теперь держалось ровно. Свет от костра и вовсе лишил возможности осмотреться и хоть как-то разглядеть местность. Но возле огня было уютно, спокойно.

Я прислушивался к окружающим меня звукам. Больше всего их доносилось из леса. Так и казалось, что там кто-то бродит, время от времени тяжело вздыхая, наступая на сухие ветки, постукивает палкой по стволам деревьев. Над костром пару раз проносились ночные птицы или летучие мыши. Река тихо журчала, в заводях квакали лягушки. На свет костра слетелись тучи мошкары и ночные мотыльки. В прелой траве уверенно пробирались какие-то жуки и, достигнув тлеющих углей, тут же недовольно разворачивались, разгребая лапками успевший нагореть пепел.

Я развернул фартук, использовал его как подстилку, на всякий случай не стал далеко убирать молоток. Почти полкило отменной стали на длинной ручке, таким шваркнешь – мало не покажется.

Мысли вертелись в голове вперемешку с новыми, непривычными ощущениями. Перекатывались, как тяжелые камни в бурной реке. Не могу вспомнить хоть один момент в своей жизни, когда бы я был вот так вот, один на один с природой. Вдали от городского шума, от человеческих жилищ, лицом к лицу с первозданным, заповедным лесом. Обычно если и выбирались куда-то с друзьями, то большой компанией и в места уже проверенные. Да еще старались найти такие, чтобы машина смогла пройти. Не пешком же переться!

Есть у меня знакомый, Олег – буйный малый. Довольно плечистый, широкий, но невысокий. Живем с ним на одной улице. Вот только я в частном секторе, в своем доме, а Олег в многоэтажке нового микрорайона. Олег увлекался исторической реконструкцией. В городе было несколько таких клубов. Нужно, полезное дело, если только без излишеств и перехлестов в сторону рьяного национализма. Сам Олег наполовину татарин, так что ему грех было бороться за чистоту расы. Короче, именно Олег приобщил меня ко всем их забавам. Веселые жизнерадостные ребята. Ковыряются в истории, делают себе доспехи как у

древних воинов, что могут – сами выколачивают, за тем, что не могут – идут ко мне. А мне тоже интересно порезвиться с железками, вот я им и содействовал по мере сил. Они хоть денег и не платили, всегда охотно помогали, да и сроки не зажимали, только если не собирались на очередной фестиваль или еще какое свое ристалище. Вот с Олегом и его ребятами я несколько раз и выбирался на природу. Они с клубом все окрестные леса исходили, все самые лучшие стоянки знали. Тоже большие специалисты были дурака на природе повалить. Хотя грешу на них! Они серьезно изучали фехтование, до тонкостей знали приемы боя на мечех и меня втянули в свои тренировки, а скорее в своеобразное погружение в эпоху, где владение мечом было не пустой забавой.

А тут я сижу один, непонятно где, неизвестно как сюда попал и не могу взять в толк, с чего бы вдруг такой поворот. Ведь не было к тому ровным счетом никаких предпосылок. И в запой не уходил, и с головой не ссорился. И вдруг на тебе! В памяти пробелы, провалы и обостренный топографический кретинизм. Да еще эти «староверы» со своими собаками совсем с толку сбили. Что там кричала эта баба? Половцы идих? А может, они мордва или чувашаи? Бог их разберет, психи какие-то. Ну вот кто, скажите мне на милость, от какой своей убогости будет отказываться от всех благ цивилизации и добровольно уходить в затворники в глухой лес? Вот и я думаю, что только психи. Предположим, можно жить без электричества; уверен, что и без сотовой связи, хотя случись что – как на помощь звать, а? Но если даже в твое захолустное, такое патриархальное, партизанское поселение приходит человек и просит помочь... Ведь ночлега или еды, даже воды не просил – просто спрашивал дорогу. А на него – с вилами, да собак спустили. Совсем одичали в своей глуши! Доберусь до дома, такой пост в блоге накатаю! Ведь не было же там ни таблички – мол, заповедник дураков, психушка на даче, или частная территория, – ни забора, ни ограды! А они вилами! И ведь метил гад коротышка в шею! Неужели действительно ткнул бы?

Меня в десантном училище, наверное, навсегда отучили людей без толку бить. Особенно в гражданской жизни, тем более у себя же дома. Бывали поначалу стычки с местной шпаной. Видимо, моя хромающая фигура казалась им легкой добычей. Все прекратилось после того, как тупая башка их главаря побывала в моих руках в болевом захвате. При этом я миролюбиво проворковал: «Ребята! Я драться не умею, но убивать – обучался!» Майор, инструктор по рукопашному бою, умело нас натаскивал, как надо действовать в критической ситуации, когда выбор прост и однозначен: или ты, или тебя. Завидным мастерством буквально заставлял меня оттачивать приемы, чтобы хоть достойно противостоять ему в спарринге, а не сразу нарываться на болевой или удушающий прием. Здесь, в деревне, меня и спасло, что я рефлекторно среагировал, не задумываясь. Не зря

уматывал себя на тренировках в училище и на лесных ристалищах с ребятами из клуба. Только сейчас до меня доперло, что эти «милые селяне» действительно не шутили, когда с вилами да топорами на меня бросились.

Да, учиялга! Как давно это было! Лет пять уж прошло! Если бы не покалечился на учениях, сейчас бы уже закончил и парился бы где-нибудь в солнечном Магадане или на просторах Таймыра. Однокурсники некоторые, наверное, уже капитанские звездочки обмывают, а кто пошустрее, те и майорские.

А плевать! Мне и в кузнице неплохо. Сам себе хозяин. На жизнь хватает, работа интересная, творческая, в прошлом году даже в московской выставке участвовал, с тех пор заказов хоть отбавляй! Что мне переживать о том, что не случилось. Не судьба, значит, мне идти по отцовским стопам и так же как он мотаться по городам. Лишь с тех пор как он получил полковника, мы надолго осели в Рязани. Отличный город. Большой, красивый, спокойный. А если чего и не хватало, то до Москвы три часа экспрессом...

Но мне всего хватало, все устраивало. Я пару лет поработал в чужой мастерской, набрался опыта, так сказать. Учитель мне попался очень знатный – толковый и жизнерадостный узбек. Ремесло он знал не по книгам и формулам, а получал от дедов своих и делился, не скупясь, всегда с удовольствием объяснял какие-то мелочи. Сам он говорил, что уже чуть ли не в десятом поколении ремесло перенял. Это уже после того как мы с ним от души пару сезонов поработали, я стал всякие научные книжки читать. То, что уверенно знал на практике, как бы подтверждал теорией из книг. Три года самостоятельной работы только добавили опыта. Как будто не изучал ремесло, а вспоминал – так легко и просто мне все давалось. После знакомства с ребятами из клуба увлекся антикварными вещами. Вокруг Рязани и в самом городе в какой-то момент просто как золотая лихорадка началась, развелось кладоискателей, как тараканов. Некоторых из них я знал. Они в своих поисках брали только самое ценное, а что попроще – мне за символическую плату несли, знали, что я интересуюсь. И жалко, с одной стороны, что эти деляги – а по-другому их не назовешь – ворошат старые памятники и поселения, а с другой стороны, сколько пройдет времени, пока археологи доберутся до этих мест, если вообще доберутся. Не мне их судить, но коль уж выкопали что-то из земли, так уж лучше я у них за мелочь куплю, чтоб и вовсе не затерялось. А то ведь где найдут, там и бросят.

Я не жалел дров для костра, жег, наверное, часов до двух ночи. Углей нагорела большая горка. Я попробовал устроиться на фартуке, подложил книгу под голову и попытался уснуть, но не тут-то было. Явилась банда комаров, до этого момента зудевшая где-то в стороне от дыма, а уже и пламени от костра не осталось. Вот они и распоясались. Чертыхаясь, надрал лопухов и соорудил на скорую руку что-то наподобие колпака куклуксклановца, только без прорезей для глаз. Кое-как скрепил его шнурками от ботинок и, нахлобучив на голову, облегченно вздохнул и снова залег, сунув искусанные комарами руки в карманы. Только горка углей, потрескивая, пыхала жаром, да занудно ныли от досады комары. От редких порывов ветра тихо шелестела трава.

Вот так, на границе холода от реки и жара от костра, я и уснул. Сон был тревожный, темный. Не запомнил деталей – так, какие-то обрывки, неясные образы. Проснулся уже при свете восходящего солнца с единственной надеждой, что вся вчерашняя история с загадочным камертоном была просто сном...

2

Отборный, качественный мат – вот все, что в момент пробуждения крутилось у меня на языке. Я выкрикивал ругательства, уныло понимая, что делу это не поможет. Это не сон. Костер уже прогорел, утренний ветер разметал пепел, часть из которого осела на моей одежде, волосах, коже. Стряхивая с себя остатки золы, я вдруг испытал неудержимое желание искупаться. И даже не искупаться, а просто окунуться в воду.

Куда бы ни кинул взгляд – всюду леса да луга. Если честно, питал надежду на то, что при свете дня смогу заметить столбы высоковольтных линий, городские здания, заводские трубы, ну хоть какие-нибудь ориентиры. Спустившись к реке, скинул с себя одежду, почти сразу, без остановки, вошел в воду. Погода располагала к купанию. Солнце показалось из-за набежавшей одинокой тучки, подсветило сумрачный лес, разбросало золотые блики по лугам. Но вся эта красота, чудесный, затерянный уголок, не могли скрасить мысли о том в какой нелепой и даже неправдоподобной ситуации я оказался.

Как бы там ни было, мне все равно придется выбираться из этого заповедника. Ковылять до трассы и ловить попутку до города. Именно ковылять, ведь даже сейчас, плескаясь в теплой воде, я чувствовал, что травмированное когда-то давно колено ноет и гнется с трудом. Выйдя на берег, заметил, что оно еще и припухло.

Разжигать костер повторно я не стал. Не было в этом никакого смысла. Просто завалил кострище кусками глины с берега и мокрым песком. Не хватало еще стать виновником лесного пожара.

После купания захотелось есть. Обычно я очень плотно завтракал, но сегодня, видимо, у меня незапланированный разгрузочный день. В любом случае, независимо от того, найду пропитание или нет, я должен морально подготовить себя к нескорой трапезе.

Двигаться вдоль реки – это главное правило. Вчера я позволил себе его нарушить и чуть не поплатился. Река ведь животворная артерия, к которой стекаются все звериные и человеческие тропинки и дороги. Рано или поздно набреду на поселок, переправу или понтонный мост.

После купания тело чуточку взбодрилось, и первые несколько километров дороги показались нетрудными. Река извивалась, то и дело заворачивая чуть ли не в обратную сторону. Для себя я решил, что идти надо вниз по течению. Вот по течению – и все тут, без вариантов и версий того, почему принял именно это решение. Причем в приказном порядке, чтоб не сомневаться и не переживать, что пошел не в ту сторону.

По ощущениям, часам к двенадцати я вышел на пологий берег. Место было очень уютное. Лес здесь казался намного реже: меньше сосен, больше берез, желтая песчаная коса, пустая отмель, в самом центре пересеченная широкой разъезженной дорогой. Река сильно разливалась, поэтому наличие брода определить было несложно. Ну, вот вам, батенька, и первый надежный ориентир. Брод был явно хоженный, проверенный, так что все решения, принятые до этого, можно считать совершенно правильными, верными и последовательными.

Я не стал задерживаться на берегу, пока были силы, вышел на дорогу и пошел по ней, все больше углубляясь в заросли. В тени деревьев идти было намного приятней и прохладней, нежели по берегу. Я с любопытством рассматривал запыленную обочину, траву, свежие звериные следы, так отчетливо отпечатанные на песке и пыли. Вот – заяц, в несколько больших прыжков преодолевший просеку. А это похоже на след, оставленный змеей. А это давний, явно человеческий след оступившегося путника, угодившего ногой в раскисшую глину колеи. Четкие, словно отчеканенные следы конских копыт.

Дорога спускалась с небольшого пригорка к заболоченной низине. От болот, правда, ничего не осталось, только высокие стебли рогоза, просохшая тина на зернистом торфе да уродливые, сухие коряги, наполовину вросшие в бурую грязь. Иссохшее болотце вытянулось неровным конусом между двух бугров, и дорога пересекала это место в самом узком перешейке. Дальше еще один пригорок, а за ним пологий спуск с густой березовой рощей. Прямо у обочины попался одинокий куст малины с единственной спелой ягодой. Не удержался, чтобы не остановиться и не углубиться в лес в поисках малинника побогаче. Пару раз обернувшись, запоминая ориентиры, чтобы не заплутать, смело отошел от дороги, понимая, что задержусь здесь на какое-то время. Малины было очень много. Под кустами и в траве попадались грибы, и я даже снял куртку, чтобы было куда собирать лесные дары.

Время шло незаметно. Уже часа через три я сидел у костра и с удовольствием нанизывал на тонкие прутья мясистые подберезовики, боровики, лисички. Видимо, я не настолько проголодался, чтобы зариться на дичь, которая в этих краях, похоже, была вовсе непуганная. Два или три раза я видел пробегающих зайцев, глухарей на ветках, каких-то куропаток вспархивающих за очередным поворотом. Вдали, где лес был погуще, отчетливо слышались визг и хрюканье кабанов. Будь у меня пневматическая винтовка или хотя бы рогатка, я бы поживился мелкой дичью, а так, с пустыми руками, гоняться за проворными пташками не имело никакого смысла. Грибы, конечно, тоже не бог весть что, но все-таки еда. Я и костер развел больше для уюта, нежели для приготовления пищи. Всем ведь известно, что грибы, те, что считаются съедобными, можно есть без всякой готовки, а я именно такие и собирал. Прочие, неизвестные или сомнительные, оставлял без внимания. Даже сыроежки и опята не трогал, боясь ошибиться. Здесь же, у костра, я не поленился выломать себе сухую березовую ветку в качестве посоха. Обтесал кору осколком камня, что так легко отбил молотком от большой глыбы, найденной неподалеку.

Часам к пяти я вышел обратно на дорогу. Признаки цивилизации наполняли ее каждые пару сотен метров. Так и казалось, что еще чуть-чуть – и за поворотом, за пригорком окажется поселок или сторожка лесника. Но нет, дорога все петляла и петляла в этом нескончаемом, диком лесу, наполняя меня раздражением и уже не радуя красотами. Нога разболелась и требовала покоя, несмотря на черепашую скорость. Вдобавок я еще пропылился, как старый и драный ковер. Так и брел на автопилоте по щиколотку в густой пыли, чихая и отплеываясь. Только часам к семи вечера услышал далекие отголоски человеческого жилья. Орала петухи, мычали коровы, особо заметно среди всех этих звуков выделялся размеренный визг пилы и стук топора. На душе стало как-то спокойно и уверенно.

Я уже не думал о том, как буду добираться домой, просто радовался что добрел-таки до нужного, хоть и незнакомого места.

Было еще достаточно светло, солнце сияло в безоблачном небе, и я не боялся подойти к населенному пункту незамеченным, как вчера, например, в поселке староверов.

Дорога огибала небольшой пригорок. Лес здесь был совсем редкий, а в воздухе явно витали запахи жилого места.

Обогнув густые заросли орешника, я замер в изумлении, неспособный уложить в голове такую нелепую, дикую картину. Дорога в этом месте как раз выходила к берегу реки, и именно на этом стыке расположилась небольшая деревушка, обнесенная высоким частоколом. Я глазам своим не поверил, но это действительно был частокол, высоченный, метра четыре, а то и больше. На вид весьма старый и потрепанный. В некоторых местах заостренные у верхушки бревна слегка покосились. Обходного пути не было. Частокол тянулся до самой реки с одной стороны и взбирался на холм с другой. Посередине – ворота с нелепой надстройкой, возвышающейся над проходом, как балкон. Под этим на вид шатким сооружением – огромный череп быка или буйвола, увенчанный мощными изогнутыми рогами. Сразу за распахнутыми створками ворот стояла телега без колеса. Пустую ось телеги подпирал пень с подрубленными корнями. Дальше, за воротами – торцы нескольких бревенчатых домов, разделяемых ломаной полосой деревянного настила, упиравшегося в широкую площадку над водой и, очевидно, служившего пристанью. Да, именно пристанью, усланной слегка обтесанными бревнами. На берегу к вразнобой

набитым столбикам были привязаны несколько простеньких разнокалиберных лодочек, сиротливо качающихся на воде. На этом фоне горделиво красовалась солидная крутобокая парусная лодка. Возле нее клубилась пестрая толпа местных аборигенов. Часть из них выгружала какие-то свертки, тюки, мешки, бочки. Другие суетились, громко кричали и, кажется, были заняты каким-то очень важным делом.

Зашуршавшие сбоку кусты привели меня в чувство, сбили оцепенение и шок от всего увиденного. Из орешника вывалился тяжело дышащий, тощий и конопатый мужичонка, кривой на один глаз, с отвратительным беззубым оскалом. Одет он был в серую накидку или старое пальто с деревянными пуговицами, в простые грязные штаны, обмотанные снизу какими-то серыми тряпками. На ногах у мужика были самые натуральные лапти. Правый лапоть был совершенно растрепан и неизвестно как держался на ступне, левый казался крепким. На затылке каким-то чудом держалась шапка с загнутыми краями, сшитая конусом из лоскутов облезлого меха. Заросший лоб с гладко прилизанными, редкими волосенками, борода почему-то двухцветная, у рта темная с бурым оттенком, по краям пепельно-серая, всклокоченная, сильно выпирающая вперед. На спине мужик волочил тяжелый на вид мешок. Впопыхах чуть не налетев на меня, дядька быстро кинул оценивающий взгляд, презрительно ухмыльнулся, хмыкнул и обратил свой взор на пристань. Расплылся в довольной улыбке и прищурился.

– С Этиль Узмени обез Вихля пожаловал. Эрся подрал, а забороло что дышло!
Зарит змий касат живота!

– Ты сам-то понял, что сказал? – спросил я почти шепотом.

– Валыкай...

Сказав это, мужик смачно сплюнул, подтянул мешок, еще больше ссутулился и пошел через ворота в деревню, бормоча себе под нос что-то невнятное.

Я на долю секунды увидел себя со стороны. Дранные джинсы, потертая куртка, дырявая, прожженная на пузе зеленая толстовка с капюшоном. Высокие армейские ботинки, солдатский ремень с потемневшей латунной пряжкой, кожаный фартук, сложенный кульком, заброшенный на плечо. В руках кое-как обтесанный кривой посох. И все это покрыто толстым слоем пыли, в том числе и

мозг... Вот не было у меня в голове на тот момент ни одной конструктивной мысли! Точки и тире, точки и тире. Причем точки – слова матерные, тире – слова очень матерные. Обессиленный физически, опустошенный морально, я плюхнулся на задницу там же, где и стоял.

Это была уже не шутка, не сказка и даже не веселая история. Ну можно еще как-то с натяжкой слепить воедино глухой лес и одичавших староверов-отшельников в кривой деревушке. Но чтоб на видном месте, да еще и такая масса народу – а навскидку их человек триста, и то только тех, что на глаза попадаются, – и все сразу свихнулись на одной теме! Простите, люди добрые, но так не бывает! Это не самодеятельные реконструкторы, клубные ребята с веселым азартом в глазах, играющие в собственные игры!

Это живые взрослые люди, и, глядя на них, нельзя сказать, что они заигрались. Это их жизнь! Нормальная обыденная жизнь, к которой они привыкли и другой не знают. Это не музей под открытым небом и не съемки исторического фильма. Просто деревня на берегу реки, где местное население с радостью и волнением встречает парусную ладью, пришедшую в эти края откуда-то с Этиль Узмени, если я правильно все понял.

Из всего сказанного мужиком до меня доходили лишь некоторые слова, да и то с отдаленным, неточным смыслом. Вихля – это или владелец лодки, или представитель профессии. А занят этот самый Вихля тем, что подрал Эрся. И взял он этого Эрся там, где все равно что дышло, что-то такое непонятное, что я и представить не могу. А как можно было понять слово – забороло? Победил, покорило, убил, поборол? Тьфу! Голова кругом!

Если это не игра и не музей, не съемки фильма и не банда свихнувшихся фанатиков, то что все это значит?

То и означает, что у меня проблемы! Причем очень серьезные. Теперь, при взгляде на этот маскарад, немного прояснилось, почему так настораживала тишина и заповедность этого края. Почему звери непуганные, почему леса густые да темные. Все разрозненные детали, словно куски мозаики, складываются в единое целое. В картину, которую упорно не хотелось видеть. В реальность, данность, которую я никак не желал принять.

Мне сейчас неважно, как, посредством чего я тут оказался! Меня интересует только – за что? Боже! За что мне такое наказание! Почему именно я?! Чем я так провинился перед цивилизацией, что меня, еще не успевшего в полной мере насладиться ее дарами, выбросили неизвестно куда, неизвестно зачем?!

Готов дать голову на отсечение, что это не двадцать первый, не двадцатый и даже не восемнадцатый век, черт их всех дери!

Лихорадочно размышляя об этом, наблюдая все неспешные действия за воротами тихого поселения, я невольно встряхнул заплечный кулек, где звякнул, задевая молоток, тот таинственный камертон, что, судя по всему, и стал причиной моего появления здесь. Ведь это вызванная им вибрация шарахнула невидимой волной, забросив меня сюда сквозь время и пространство. Разверзла дыру в материи вселенной – и пинком под зад...

Хотя! Сквозь время – возможно, этому есть некоторые подтверждения и даже факты, а вот насчет пространства не знаю, что и сказать.

Если я хоть немного помню историю, то нынешняя, современная Рязань, где мне было так хорошо и уютно, на самом деле не та старая Рязань, что была разорена Батыем с его бешеными татарами, монголами и всеми вместе взятыми. Раньше это был Переславль-Рязанский, если я ничего не путаю, и первые упоминания о нем датируются примерно десятым-одиннадцатым веком нашей эры. Если рассуждать логически, то моя мастерская находилась в заводском районе на самой окраине. Окраина? по меркам двадцать первого века – это плюс-минус десяток километров, и при наличии собственного или общественного транспорта.

А сколько я прошел за весь сегодняшний день? Петлял вдоль реки, зашел в лес. Да и сюда не шел даже, а плелся, заметно хромя.

А ведь я, черт возьми, в Рязани! В моем родном городе! Если это только не параллельный мир с жуткими гоблинами и светлыми эльфами! И не мой собственный кошмарный бред.

От всех этих нелепых рассуждений и крючковатых мыслей меня отвлек всадник, который на полном ходу проскакал через пристань, через ворота и, надвигаясь на меня, громко выкрикнул:

– Бойся!

Я отскочил в сторону, к обочине, щурясь от пыли, поднятой в воздух копытами лошади. Проскакав мимо, всадник вскользь оглянулся на меня и только стегнул лошадь по крупу, подгоняя.

Что бы здесь ни происходило, мне нужно разобраться в ситуации. Не знаю, получится ли установить контакт с местным населением, но разведать обстановку надо. Застегнув молнию на куртке, я смело и решительно вошел в ворота и направился прямо к пристани.

Мне нужна устойчивая правдоподобная версия того, где я нахожусь. Как мне это определить и сделать... Нет сомнений, что люди, окружающие меня, – русские. Ведь я понимаю часть их языка. Будем исходить из идеи, что это все-таки каким-то немыслимым образом прошлое. Навскидку примерно шестнадцатый-семнадцатый век. Пусть это будет отправной точкой. Что я знаю об этом времени? Отставить! В таком возбуждении я ничего путного не вспомню. Хорошо, разберемся без паники и как можно подробней. Просто мысленно погружаюсь в эту ситуацию и действую. Поговорить с местными? Нет никакого смысла: даже если они что-то и скажут – один черт, не пойму ни слова, в лучшем случае уловлю смысл. Хотя это тоже может быть полезно. На мне странная одежда, по сравнению с окружающими выгляжу непривычно, а, следовательно, выдавать себя за местного тоже занятие бесполезное. Я иностранец, начнем с этого – чем не легенда! Из далекой страны, скажем, из Англии! Интересно, если я начну говорить на английском, меня сразу на вилы насадят или прежде собаками потравят? Нет, Англия отпадает, к тому же по-английски я говорю не очень хорошо. Ладно – иностранец, пока достаточно, а там что-нибудь придумаю.

Я как раз дошел до края пристани и с неподдельным интересом стал разглядывать огромную лодку. Слышал однажды о таких лодках от ребят из клуба. Это речное комбинированное судно, может идти как под парусом, так и на веслах. Или на всем этом сразу. Знаю еще, что в большинстве случаев, если ветер не попутный и течение сильное, такие лодки бурлачили всей командой вверх по рекам. По-моему, они назывались учкуй, или ушкуй. Это явно не драккар викингов. Слишком мелкая для него, а других я все равно не знаю. И запомнил-то из-за названия. К тому времени, пока я интересовался этим судном, команда и люди на пристани большей частью уже разгрузили корабль и теперь

толпились возле тюков и бочек, о чем-то шумно и громко споря. Прислушавшись, я заметил что хоть беседа идет и на повышенных тонах, но все же мирная. Скорее, просто торг. Во главе спорщиков стоял высокий мужчина средних лет, полноватый, явно восточного типа, со смуглой загорелой кожей. Для себя я обозначил этого человека «купцом» или «торговцем». Судя по поведению, и лодка, и товар принадлежали ему. Тот кривой мужичонка, которого я встретил у ворот, называл его Вихля. Но мне не стоит повторять это имя вслух. Вполне может быть, что оно окажется обидным прозвищем или того хуже – оскорблением.

Я отчетливо слышал беседу, но, к сожалению, мог уловить смысл только отдельных, знакомых мне слов.

– Лихой... пожег... перстами... половцы... гривна... карчаг...

Из суммы узанных слов действительно можно было сделать вывод, что это обычный торг, и удивляться здесь нечему. Пришла плавучая торговая лавка, привезла кучу заказанного товара и ворох новостей из дальних краев. Идет оживленный обмен тем и другим.

Один из членов команды речного торговца, некоторое время наблюдавший за мной, все же сделал решительный шаг в мою сторону. Он был вооружен коротким кривым ножом, одет пестро, броско. словно бы пошил себе одежду из цветной шторы или каких-то пестрых, нелепых тряпок. На вид мужчина крепкий, поджарый, но, так же как и все прочие, невысокого роста. Смуглая кожа и явно азиатские черты лица выдавали в нем чужестранца, но местные относились к нему спокойно, без любопытства. Хотя и легко вооруженный, он не походил на торговца или лодочника. Скорее на воина или наемника. Эдакий джентльмен удачи, если можно применить подобное слово к речному торговцу. Сильно смахивает на охранника из ЧОПа, судя по нагловатой походочке и каменному лицу. Я заметил на нем золотые и серебряные украшения, какие-то полудрагоценные камни типа бирюзы, кораллов и малахита.

Разумеется, моя внешность его привлекла, но, в отличие от меня, он не мог дать уверенную оценку тому, что увидел. При взгляде на него напрашивался вывод, что этот человек привык во всем разбираться до конца. Он не казался агрессивным, скорее был настроен и максимально нейтрален. То есть не пытался любым своим действием как-то спровоцировать меня.

В один момент наемник заметил, что я тоже внимательно его разглядываю. Сдержано улыбнувшись, он приложил левую руку к правой стороне груди и вежливо обозначил еле заметный поклон, при этом не опуская взгляда – только узкие щелки глаз сомкнулись еще плотнее. В ответ на это я кивнул головой, но с места не сдвинулся.

Тогда наемник походя небрежно толкнул в спину своего товарища, такого же пестро разодетого, занятого поглощением ягод из корзинки какой-то молодки из тех, что стайкой столпились на пристани с разной снедью. Мимолетно переглянувшись, они оба подошли ко мне. Второй и вовсе смотрелся карликом. В какой-то нелепой войлочной шапке, с черной растопыренной бородой, он с удовольствием обсасывал липкие пальцы, бросая настороженные взгляды в мою сторону. Они внимательно оглядели меня снизу вверх. Карлик даже изобразил приветствие и заговорил:

– Саламат сызба агай. Атыныз калай?

Бородатый хлопнул по плечу своего друга со словами:

– Ол Котан, – потом указал на себя, – Мен Ерсен. Сенын атын кым? – повторил наемник, растянув рот в щербатой, но тем не менее белозубой улыбке.

– Артур, – ответил я спокойно, понимая, что ребята просто знакомятся.

– Кыпчак? – спросили наемники чуть ли ни хором.

– Викинг, – ответил я так же спокойно и уверенно, как бы забавляясь всем этим нелепым разговором.

Тот воин, что повыше – Котан, отпрянул, прищурился и посмотрел на меня с ехидной улыбкой.

– Валькай! – наконец сказал Котан, махнув на меня рукой.

Услышав слово «валькай», смысл которого для меня остался загадкой, бородатый Ерсен недовольно скривился и тоже чуточку попятился.

Котан с новым интересом стал разглядывать пряжку солдатского ремня, всю мою одежду и сверток. Наконец он указал раскрытой ладонью на ремень, спросил что-то совершенно непонятное и тут же указал на свои подвески, которыми он был обвешан как новогодняя елка гирляндами.

Хочет меняться! Неудивительно. Пряжка хоть и давно не чищенная, но латуни в ней граммов пятьдесят, не меньше. Хотя откуда ему знать, что это латунь, а не бронза, например. Но меняться на его цацки мне что-то не очень хотелось. Глядя на окружающих людей, как местных, так и пришлых, я заметил, что редко кто из них ходит не вооруженный. Нет, не так, как японские самураи, с ног до головы обвешанные острыми железками, но вот нож на поясе или топор почти у каждого. Так что в моем положении крепкий ремень с тяжелой пряжкой придется кстати. Ежели чего, то от этой парочки отмахнусь.

- Нет, брат, ремень я тебе не отдам.

Котан явно уловил отрицающий тон и отпрянул еще на полшага.

Если пришлых торговцев так заинтересовала моя пряжка, а скорее всего именно звезда на пряжке, то, стало быть, товар редкий и диковинный. А значит, продать или обменять ремень можно куда выгодней, чем предлагает этот «барыга». И, очевидно, продать его наверняка придется. Близится ночь, а у меня ни ночлега, ни еды. В крайнем случае, за оружие сойдет и камертон. Тресну по голове стальной подставкой – мало не покажется. Хотя нет, с камертоном еще надо разобраться... Вот дурень! Есть же молоток.

Уже прикидывая, как бы сторговать ремень подороже, тут же сделал непростительную глупость. Причем сделал чисто машинально и без задней мысли. Голова в этот момент была забита обилием впечатлений.

Я закурил. В тот момент, когда достал сигарету, мое действие новых знакомых заинтересовало, но не сильно, и только когда я легкомысленно чиркнул зажигалкой, наемники отпрянули от меня как от чумного, явившего на всеобщее обозрение свои бубонные нарывы.

Сделка сорвалась, так и не начавшись. Речные торговцы быстро ретировались, отступив без слов поближе к своему хозяину, пряча взгляды.

Я по возможности постарался не выругаться вслух и не выдать своей оплошности. Лохануться на такой ерунде! Потрудись теперь обойтись без эмоций и впредь так нелепо не прокалываться... Дольше задерживаться на пристани не было никакого смысла. Я решил стойко докурить, отойти в сторону и, не привлекая особого внимания, оглядеться с более выгодной позиции и если что дать деру.

Не привлекать внимания, конечно же, не получилось. Стоило только отойти на пару шагов, как за моей спиной тут же стихли громкие разговоры и начались какие-то перешептывания. Еле сдерживая себя, я продолжал идти размеренным, неторопливым шагом.

В поселке было полным полно домов, амбаров, сараев и скотных дворов. Строений и пристроек, казалось, было больше, чем людей. Я шел по единственной улице, примыкающей к берегу реки. По обе стороны от улицы располагались дома и дворовые постройки. А еще дальше, вверх по холму – все тот же частокол из отесанных бревен, ограждающий поселение с одной стороны.

От ворот домов через улицу сбегали тропинки и оканчивались на коротких пирсах, мостках, удаленных метра на три-четыре в воду.

Редкие прохожие, завидев меня, первым делом сбавляли шаг, а затем переходили на другую сторону улицы или вовсе отходили к воротам и останавливались, провожая долгим взглядом.

На противоположной стороне деревни были еще одни ворота. Место здесь открытое. От крайних домов за мной увязалось несколько любопытных мальчишек лет семи-десяти.

С ними вместе, виляя хвостами, носилась пара дворовых собак, настроенных очень добродушно. Первым делом собаки меня обнюхали, явно оценили по запаху, что подачки от меня не дождешься и просто оставили без внимания, даже не трудясь облаять незнакомца. Любопытные мальчишки то приближались, забегая вперед и разглядывая меня, то опять отставали, шепчась о чем-то за моей спиной. Однажды обернувшись, я заметил, что метрах в сорока, а то и больше, за мной плетутся те два приятеля, что пытались обменять пряжку на пристани. Шли спокойно, вроде как по своим делам, но не отставали.

Подойдя к воротам, я почувствовал запах гари и привычный моему уху звон кузницы. Нет, ошибиться я не мог. Это действительно была кузница. Ну, если судить с точки зрения современного человека, то это был навес у берега реки с нелепой дырявой пристройкой. Видно, что мастерская работала весь день и потому не сильно дымила, да и звуки молотка казались несколько вялыми, неспешными. Поэтому она осталась незамеченной мной по пути к пристани. Под навесом сидели двое. Такие же бородатые, как и прочие мужики, лохматые, одетые в какую-то рвань да серость. Один, видимо кузнец, сосредоточенно колотил что-то на крохотной наковальне. Этот предмет и на наковальню-то похож не был, в том виде, в котором я ее знал. Неровный, оплывший кусок металла, кое-как закрепленный на рыхлой низкой колоде, старом дубовом пне.

Я подошел ближе. Мастера меня заметили, но работы не остановили. Тот, что сидел позади кузнеца, просто впился в меня глазами, но продолжал качать небольшой мех. Сам же кузнец колотил уже почти холодную железку, что-то в ней поправляя и бросая изредка заинтересованный взгляд в мою сторону. Трудно было определить, что именно он делает с этим бесформенным куском некачественного металла, но не похоже, что оружие или доспехи, скорее – какую-то домашнюю утварь, может, скребок или резец.

– Добрый день! – поприветствовал я, пригнувшись, заходя под навес.

– Добрый, – согласился кузнец, откладывая в сторону свою поковку.

– Я бы хотел купить нож. Понимаете меня? Простой нож.

В ответ на это кузнец только вопросительно поднял бровь и прищурил один глаз. Пригладил бороду и, смахнув капельки пота со лба, посмотрел на помощника, тот в ответ только растерянно заморгал круглыми от удивления глазами.

Не тратя слов на объяснение, я просто продемонстрировал, что как бы достаю из-за ремня воображаемый нож и пытаюсь что-то разрезать, а в подтверждение своей платежеспособности выудил из кармана несколько монет. Попались три полтинника, несколько монет по десять копеек и пара рублей. В кармане остались еще, но я не спешил обнародовать свое «богатство».

Услышав звон монет, кузнец удивленно распахнул глаза и согласно закивал.

– Кузла поглядать! – восхитился он своей же догадке.

Я постарался опередить его, пока он не начал суетиться, и протянул на ладони деньги.

Видимо, мастер сообразил, что прежде чем вести какой-то торг, я предлагаю ему, что называется, определить курс валюты. И вообще понять, будет ли он брать эти деньги в качестве платы.

Он взял рублевую монету, повертел ее в руках, посмотрел на нее одним глазом, постучал ею по наковальне и попытался было согнуть корявыми пальцами, но этот фокус у него не удался. Монетка была свеженькая, блестящая, еще не затертая. Последним действием кузнец взял камешек и потер ребро монеты. При этом на его лице появилось такое искренне удивление, что он не стал его скрывать. Следом за мастером вознамерился взглянуть на монету и его чумазый помощник, но не тут-то было... Кузнец ловко сунул монету за щеку и как ни в чем не бывало завел со мной разговор:

– Чьих будете, человек?

– Викинг, – ответил я, придерживаясь все той же нелепой «легенды», которую неосторожно озвучил речным торговцам у пристани. – Мое имя Артур.

– Вольный? – спросил кузнец как бы между прочим, словно бы не сильно интересуясь ответом, кося взглядом на пристройку, где гремел железом пребывающий явно не в духе напарник.

– Вольный, – подтвердил я и присел на бревно у горки с золой.

Передо мной на пеньке выложили несколько железных предметов, которые я бы с очень большой натяжкой назвал ножами. Швейцарский перочинный нож в сравнении с этими нелепыми осколками железа, абы как обкованными, – просто космический корабль на фоне старой телеги.

Один все же был достаточно длинный и острый, на вид даже неплохо сделанный, но показаться на людях с таким мне было бы стыдно. Сам мастер своей работы, похоже, вовсе не стеснялся.

Я выбрал этот единственный приглянувшийся нож. Взял в руки и попробовал согнуть, что называется, просто проверить на изгиб. На гвозди такая сталь сгодилась бы, но не больше. Лезвие, конечно, вернулось в свое исходное положение, но я почувствовал, что, приложив еще хоть немного усилия, я просто переломлю его пополам. По всей видимости, мастер почувствовал, что я не очень доволен его работой. Пospешив исправить положение, я деловито покачал головой и без тени сомнения отдал мастеру еще две рублевых монеты. Такое завершение торга его более чем устраивало. Мастер без сомнения понимал, что я пришлый, чужеземец, и потому не напрягал расспросами. Спрятав покупку во внутренний карман, я поспешил уйти. И неудобно с одной стороны, по моим же собственным понятиям, платить мастеру за его пусть и не самую хорошую работу такую мелочь, но выбора у меня не оставалось. И потом, кто сказал, что мелочь? Кузнец? Судя по всему, он доволен. А нож мне требовался хотя бы для того, чтобы чувствовать себя более уверенным при встрече с вооруженными незнакомцами. Оглянувшись, я невольно улыбнулся. Два чумазных представителя моего ремесла, сдвинув косматые головы и напряженно сопя, увлеченно мутузили друг друга, видимо потому, что и те две монетки тоже оказались за щекой кузнеца.

Солнце скрылось в набежавших тучах. На берегу быстро потемнело, но до заката было еще далеко. Когда я обернулся к воротам, то с удивлением увидел там пару десятков любопытных, смотрящих на меня не отрывая взгляда местных жителей. Были там и те самые мальчишки, и взрослые, и пожилые люди.

Они стояли спокойно, не прятались, не стеснялись своего любопытства. Среди наблюдавших были также и два восточных человека – Котан и Ерсен. Стоял там и кривой мужичонка, что встретился мне ранее, перед поселком.

Приосанившись и расправив плечи, я невозмутимо окинул долгим взглядом всю эту толпу и, захватски закинув на плечо свернутый фартук с пожитками, неторопливо двинул дальше по дороге, прочь от этого поселения. Пока окончательно не стемнело, следовало найти место для ночлега, да и пожрать бы чего-нибудь не мешало.

Прочие жители деревни остались стоять, только два пестрых знакомца с пристани двинулись за мной. Я уже не скрывал, что заметил их, и потому как бы нарочито прошел еще метров триста и, повернувшись вполоборота, демонстративно закурил. Причем сделал это так, чтобы мои незваные попутчики

заметили пламя зажигалки. Эффект был такой же, как и в первый раз, – джигиты синхронно отпрянули как от явной угрозы. И это притом, что нас разделяло несколько десятков шагов.

Летом темнеет не очень быстро. Сумерки тянутся долго. Я успел пройти километра полтора по дороге, когда увидел еще одну лодку со спущенными парусами и задранными вверх веслами.

Лодка была зачалена возле берега, команда кучковалась у костра. Ветра не было, поэтому нетрудно догадаться, что в узком месте реки лодку приходилось поднимать вверх по течению волоком. Эта шлюпка отстала от первой совсем немного, так что команда перед последним рывком устроила в конце дня привал в непосредственной близости от деревни.

Я шел медленно, и моих спутников такой темп явно не устраивал. В какой-то момент они перешли на бег и обогнали меня по обочине, держась как можно дальше. Поспешили к своим друзьям у костра, что-то громко выкрикивая.

В ответ на это их действие у меня было три варианта дальнейших событий. Возможно, мои недавние знакомцы просто разносят слух о странном типе, что заявился в поселок невесть откуда, или спешно подговаривают друзей подсобить им в отъеме интересной добычи. Либо просто предлагают взглянуть на меня как на циркового уродца.

Первый и последний варианты еще сносные: я смогу уйти достаточно далеко, чтобы они от меня отстали. А вот мысли о драке с толпой вооруженных людей, явно знающих толк в применении оружия, меня как-то не греет. Тем более на голодный желудок.

Когда я был уже недалеко от костра, навстречу вышли почти все. Один молодой парень остался у бивака, с удивлением глядя на действия товарищей.

По всему было видно, что драки не избежать. Я остановился, прислонил клюку к бедру и стал разминать кисти рук. Лямки фартука я завязал узлом и накинул на плечо. В бою мне пригодятся обе руки.

Палка, нож или молоток? Нож ненадежный, может подвести. Палка, хоть и прочная на вид, тоже сухого дерева, так что сломаться может от первого же

удара. Молоток еще надо достать. Это долго. Фартук я упаковывал на совесть, стянул плотно и надежно. Пока размотаю все узлы и расстегну пряжки... Значит, придется голыми руками.

Размяв плечи, я на всякий случай прикинул посох на весу. Если удастся, то пару черепов раскрою. Сгодится. Сначала дубиной самого рьяного по рогам, а там уж как придется.

Речной народ не сразу понял причину моей остановки и таких странных действий. В волнение они пришли лишь в тот момент, когда я стал прикидывать вес палки. Первым опомнился бородатый Ерсен. Он демонстративно сдернул с пояса нож, отдал его Котану и засеменял ко мне навстречу, чуть отставив руки в стороны.

– Ойбой, агай, нет бить, не биться, – говорил он громко, так чтобы я смог его услышать. – Кош келдин, кош келдин. Оте жаксы, кел.

Ерсен то и дело показывал на костер и как бы приглашал подойти ближе. Его друзья стояли спокойно и с интересом наблюдали.

Только когда бородатый коротышка оказался возле меня в двух шагах, не переставая повторять непонятные фразы, я допер, что он просто хочет пригласить меня к огню. И по его движениям, и по добродушной, немного заискивающей улыбке становилось понятно, что о драке в этой ситуации подумал только я один.

К огню меня буквально подтащили, чуть ли не за рукава. Кто-то из суетливой толпы постелил на камень небольшую подстилку из овечьей шкуры и пригласил жестами сесть на нее.

Я немного успокоился. Как все-таки нелепо и даже глупо! Подумал о людях плохо, был просто уверен, что меня непременно начнут грабить, правда, не имея на то никаких оснований. Хотя какие к чертям основания?! Вон какие рожи разбойничьи... еще и лыбятся! На самом деле они просто сгорали от любопытства. Тот факт, что при мне не было оружия, их, похоже, даже устраивал. Пестро одетая, галдящая ватага, больше смахивающая на старшую группу детсада, облепив меня со всех сторон, теребила ручонками мою одежду, понуждая принять приглашение.

С облегчением я присел на предложенное место, вытянув уставшие ноги. Когда расселись все остальные, то оказалось, что я возвышаюсь над ними на голову, хотя никто из них не сидел просто на земле. Каждый что-то подложил – моток веревки, плотно скрученный пучок соломы или свернутую накидку.

Они долго и шумно что-то обсуждали. В мою сторону то и дело обращались удивленные взоры. Ерсен, тот, что был самый низкорослый из всех, стал рисовать на песке какие-то знаки, поясняя каждый из них. Одним из последних он нарисовал пятиконечную звезду. Котан, тот, что первым со мной заговорил, вообще не отводил взгляда от пряжки на ремне.

Многие из команды одобрительно качали головами, явно соглашаясь с Ерсеном. Говорили они на своем языке, уж не знаю, на каком, но смысл сказанного я больше улавливал по эмоциям, которые демонстрировали собеседники. Увлеченный их разговором, я даже не заметил, как кто-то из команды достал из большого котла целую тушку, похоже, что кролика, и, разломив ее на несколько частей, стал раздавать. В котле варились еще шесть или семь таких тушек, так что всем должно было хватить.

Мне мясо дали одному из первых. Я не стал отказываться от угощения, видя, что эти люди настроены дружелюбно.

Они ели, говорили между собой, о чем-то спорили, смеялись. Один из наемников сбегал на лодку и принес оттуда большой кувшин. Правду сказать, после такого сытного ужина я надеялся, что в кувшине окажется вино. Увы, там было молоко. И причем не просто молоко, а какое-то странное, ужасно кислое. Прежде мне такой гадости пробовать не приходилось. Глядя на то, как я сморщился, отпив всего лишь глоток, вся веселая компания дружно засмеялась.

Отставив кувшин, я достал сигарету и потянулся было за веточкой из костра, как в одно мгновение все словно по команде замерли и уставились на меня. Я уже держал горящую ветку перед собой, но остановился, силясь понять причину того, почему они все так внезапно притихли.

Когда, наконец, понял, чего они ждали, то бросил ветку обратно и потянулся в карман за зажигалкой. Медленно, без резких движений достал дешевую китайскую одноразовую зажигалку и, продемонстрировав ее всем, спокойно щелкнул. Крошечный пьезокристалл выдавил из себя искру и зажег газ,

выходящий из форсунки. Появившийся огонек вызвал просто бурю удивления и восторга. Хороший фокус для дикарей, но он исчерпает себя ровно тогда, когда в этой штуковине закончится газ.

Позже, когда уже совсем стемнело, и народ наконец уgomонился, я прилег у костра и мгновенно уснул. Сон был очень тревожный, пестрый. Обрывки впечатлений смешивались, как в каком-то калейдоскопе: бешено прокручивались в каких-то немыслимых сочетаниях, высвечивая последние события. Мой собственный мозг ощущался как сухая поролоновая губка, которая только впитывает и впитывает. Голова воспринимала информацию, но не способна была дать хоть какую-то оценку всему увиденному и услышанному.

Ближе к рассвету меня совсем заели комары, и я уже не мог уснуть.

Собрав нехитрые пожитки, прихватив кусок мяса, я тихонько встал и отошел к обочине дороги. Ни один из повально спящих так и не проснулся.

Только приبلудившаяся с вечера бездомная псина приподняла морду и проводила меня сонным взглядом.

Я не знал, куда иду, зачем и что ищу. Не было никакой цели в этом движении. Впереди неизвестность, пустота. Что я пытаюсь найти, вышагать? Что-то подсказывало: дальше будет все то же самое. Такие же мелкие деревушки, возможно, что даже города. Судя по тому, как петляла дорога, и тому, что двигался я все это время по течению реки, путь мой лежал на восток. Каждый шаг все больше отдалял от уже известных мне очагов цивилизации. Мысли роились в голове растревоженным осиным ульем. В памяти всплывали воспоминания, знакомые лица, события последних суток. Сильно хотелось верить в то, что все это ужасный сон, больной бред. Я думал об этом странном камертоне, надеялся, что коль уж я смог активизировать его один раз, то смогу и еще. Вот только какой будет результат? Закинет ли он меня еще дальше в прошлое, вернет в мое настоящее, промахнется и оставит в будущем? От чего зависит выбор? Как управлять этой машиной, прибором, предметом? Никаких мыслей на это счет не было, захлестывали все еще бушующие эмоции.

Примерно к обеду я почувствовал, что меня знобит. Яркое августовское солнце палило нещадно, тогда как мое тело покрылось холодной испариной. Именно эти неприятные ощущения от повышенной температуры и резкой режущей боли в

животе заставили отвлечься от нытья, от вздыханий о злой судьбе и воле случая. Рези в животе – это не шуточки. Был бы я дома – нет проблем: короткая пробежка в первую же аптеку за набором лекарств и парой запасных рулонов туалетной бумаги. В полевых условиях даже самая незначительная зараза может вылиться в серьезную, почти неразрешимую проблему...

Это было довольно старое кострище, уже давно почерневшее и даже успевшее зарости травой. Тот, кто устроил себе когда-то стоянку в этом месте, знал, что делает. С одной стороны обрывистый берег реки с небольшим мыском, с другой – сама река, значительно отступившая, образовав песчаный пяточок с бахромой травы по краям.

Дорога была всего в полукилометре от стоянки. Я вышел к старому кострищу совершенно случайно. Здесь все было неплохо устроено. Недалеко от костра рос довольно большой куст можжевельника. Несколько крупных сосен, между которыми достаточно было протянуть веревку или шест, чтобы накидать туда лапника, соорудив таким образом небольшое укрытие. Даже не шалаш, а так, временный навес. Но самое главное, что, собственно, и послужило причиной моей остановки – это разбитый кувшин, крынка. На самом деле у кувшина был отколот довольно значительный кусок в горловой части. Тем не менее в него еще можно было без труда налить примерно пол-литра воды и вскипятить на огне. А сейчас мне только это и требовалось. Пока еще были силы, я прошелся по близлежащим зарослям и с удовлетворением обнаружил, что здесь достаточно дров и, самое главное, растений, совершенно необходимых для того, чтобы поправить здоровье. Первым делом мне удалось найти стебли цикория и подорожник – два известных народных средства от болей в животе. Несколько стеблей малины и свежая хвоя – это для дезинфекции. А еще ромашка и зверобой.

Воду я набрал прямо из реки. С удивлением заметил, что это было не основное русло, а приток, просто разделенный островом, который я в первый момент посчитал частью противоположного берега. Купленный вчера в деревне нож оказался очень кстати, хоть его и пришлось немного подправить на осколке, оставшемся от разбитой крынки. Я вскипятил воду, накидал туда свежей хвои и несколько очищенных стеблей малины, присыпал, словно приправой, березовой корой. Пока это варево кипело и бурлило, я, вычистив старую посуду от возможных остатков пищи и грязи, настругал достаточно семян подорожника и стеблей цикория для лекарства. Бабушка в детстве часто отпаивала меня

подобными отварами, когда у меня вдруг возникали проблемы с животом или жар. У нее на каждую болячку были свои рецепты, маминым таблеткам она не доверяла.

Отвар был горький, я это знал, но его обязательно требовалось выпить. Стебли малины должны были сбить температуру, а все остальное просто прочистит организм. Похоже, что я немного перестарался с количеством травы, и все это варево действительно напоминало кипящую в котле зеленку, но я стойко выпил примерно полкрынки и, расстелив у огня кожаный фартук, лег. Спать не хотелось, но идти в таком состоянии было бы просто самоубийством. Хорошо, что нашелся этот, пусть и разбитый, горшок. И ведь не в пустыне я, не Робинзон на необитаемом острове, а невероятное ощущение одиночества никак не хочет покидать. И больно, и обидно, и нет возможности как-то все это изменить.

Отвратительное состояние, болезненное, безысходное, тяжелое. Надо же было так нелепо вляпаться!

А ведь, признаться, раньше у меня были подобные мысли. Я имею в виду размышления о том, что бы я стал делать, если бы вдруг каким-то образом оказался в прошлом. Особенно после того как повелся с этими ребятами из клуба. Их и так от мастерской приходилось чуть ли ни палкой отгонять. Они с таким запалом и азартом рассказывали о том, что им удалось вычитать в каких-то книгах, добыть из архивов музея, из докладов о раскопках. Энтузиасты, фанатики, они заражали интересом к истории всех, с кем общались. Наверное, легко и просто обо всем этом думать, заниматься реконструкцией, сидя в теплой городской квартире. Если и выезжать куда-то на игрища, то исключительно в собственное удовольствие. Терпеть какие-то неудобства походной жизни, заранее зная, что в итоге все равно вернешься домой.

Вспоминая ту деревенскую кузницу, в которой я купил нож, могу сказать только одно – убогость. Два чумазых «пэтэушника» преклонного возраста ляпали свои поковки из какого-то барахла, старых обрубков, сломанных и ржавых вещей. Хотя с какой стати я на них наезжаю? Это их жизнь, какое-никакое, а ремесло. Эх, им бы, бедолагам... С тяжелым вздыханием вспомнил я мой мусорный контейнер на заднем дворе мастерской. Там одних обрезков было тонны полторы великолепной стали. И не только дешевый и низкосортный прокат, что я закупал тоннами на заборы и решетки, но и вполне качественная сталь, годная для всего. Вот только возиться с ней не хотелось. Куда проще было просто позвонить на базу знакомым и заказать все что душе угодно из толстенного

каталога.

Года два назад встречался я с одной милой девушкой, Надей. Когда только познакомились, она очень удивилась тому, что я работаю кузнецом. Сначала даже не поверила, а потом, после нескольких визитов в мастерскую, заинтересовалась. У нас с ней ничего не получилось. К сожалению, отношения не сложились: она тяготела к спокойной семейной жизни, к какой-то стабильности, а меня просто шатало из стороны в сторону. То укачу куда-нибудь к друзьям на север и месяца два там пропадаю. То, как сумасшедший, в порыве творчества днюю и ночью в мастерской. Наде все это не нравилось. И моя нестабильность, и легкомыслие. Несмотря на то, что с моим ремеслом я себе на хлеб заработаю где угодно. Да, в двадцать первом веке так оно и было, когда под рукой все необходимое, и от тебя требуются только навыки и творческий подход. А такие удобные вещи, как плазменные резаки, аргоновые сварочные аппараты, пневматические молоты, – они как бы прилагались к моему якобы мастерству. Хотя, если объективно, кое-чего умею.

И только сейчас, сидя на этом диком берегу, потерянный в неизвестном времени, быть может, даже в параллельной вселенной, где до технологий даже двадцатого века еще очень далеко, я понимаю, что был слишком высокого о себе мнения. Лишь теперь до моих куриных мозгов доперло, что называть себя мастером я просто не имею права. Я не кузнец, а жалкое подобие. Неудавшийся гибрид, технологически зависимый элемент. Чего я стою со всеми своими напыщенными талантами, когда не могу себе даже представить способов работы без технической поддержки?

Да, теоретически я знаю, как добывать железо, как и по каким признакам искать руду, строить сыродутные печи, выжигать уголь. Но это голая теория, кое-как прочитанная в умной книжке. Это пустые знания, пока они не подкреплены практикой. Мысли о собственном убожестве воспринимаются не иначе как с натянутой ироничной улыбкой. Я действительно был слишком высокого мнения о себе. Но это еще не конец жизни! Я еще достаточно молод чтобы, как говорится, наверстать упущенное. Да, я владею навыками финальной обработки. Знаю много технологий и секретов. Дело за малым. Нужно заполнить пробел. В сжатые сроки освоить начальную, подготовительную часть – и все! Тогда я смогу доказать, что не лаптем щи хлебаю, и мой любимый молоток, по иронии судьбы оказавшийся вместе со мной в этом нелепом, неожиданном путешествии, должен быть использован по своему прямому назначению.

Отвары трав помогали медленно. Я даже не был уверен, что делаю все правильно. Режущая боль, пронизывающая все потроха, уже прошла, но нескончаемый бунт в животе, похоже, и не думал прекращаться. Идти куда-то в таком состоянии не имело смысла. В первую очередь я грешил на ту нехитрую снедь, которой так щедро поделились со мной наемники купца. Видимо, мой изнеженный организм воспринял вчерашний ужин не иначе как отраву. Ну, может быть, и не весь ужин, а только кислое молоко. Я всегда очень осторожно относился к молочным продуктам, даже к тем, что продаются в магазине, а уж парное молоко в деревне даже под страхом смерти пить не стал бы. А тут взял и с голодухи наакался кислующей гадости, не задумываясь о возможных последствиях. Это должно послужить уроком и предупреждением. Если только я не схлопотал дизентерию, которая, кстати говоря, без должного лечения вообще может перейти в хроническую форму.

Да, я голоден, но не настолько, чтобы ветром шатало, и пока не падаю в голодный обморок. Жира во мне достаточно, так что пусть и без того взнузданный организм начинает расходовать запасы, которые так долго копил. Вон как мальчонку разнесло. В училище я себе не позволял раскармливаться до ста десяти килограммов. При моем росте это, конечно, не очень заметно, но тем не менее...

Уверенно решив для себя, что остаток дня и всю ночь проведу на берегу реки, я не поленился, обошел окрестности и собрал достаточно дров, чтобы не искать их в кромешной тьме, когда огонь уже начнет гаснуть. На глаза попался отличный орешник. Отличный в том смысле, что часть ствола, ровную и без сучков, можно было использовать для изготовления лука. А что?!

На грибах и ягодах я долго не протяну. А с луком, пусть и наспех сляпанным, я легко подстрелю зайца или пернатую дичь. А случись что, смогу отбиться от волка или не дай бог медведя. Знаю, что сырое дерево для таких изделий не очень подходит, что нужно как-то учитывать направления волокон и прочие мелочи, но что делать. У меня нет времени сушить древесину, отпаривать, гнуть, обматывать, клеить. Да и не специалист я по работе с деревом. Всегда хотел компенсировать этот пробел в ремесле, но все как-то руки не доходили совместить кузницу и плотницкое дело.

Я залез в воду по колена, достал со дна довольно увесистый камень. То ли слежавшийся известняк, то ли не долежавший свой срок мрамор, чем-то

похожий на кремний булыжник неизвестной мне породы. Он легко раскололся на несколько кусков с острыми краями, которые я в свою очередь расколол на еще более мелкие и стал делать из них наконечники для стрел. Ну действительно как дикий человек, кроманьонец! Были бы у меня кости, я бы сделал наконечники из кости, но, увы, чтобы добыть достаточно крупное животное с не менее крупными костями, недостаточно быть просто голодным и слегка вооруженным сомнительного качества ножом, который даже на кухонный не тянет.

С луком и наконечниками для стрел я провозился до заката. Обтачивать каменные наконечники можно было и при свете костра, а вот ветку орешника я очистил от коры и все же закрепил между трех кольев, чтобы та немного просохла. Изготовление тетивы и собственно самих стрел и оперенья я оставил на завтра.

Костер горел ярко, ночь была терпимой, не такой холодной, как прошлая, или мне казалось. Голодный бунт в животе немного утих. В меня уже не лезли травяные отвары, но я продолжал их пить и готовить, зная, что других способов лечения просто нет. На всякий случай, для профилактики, достал из огня несколько обгоревших, почерневших головешек и отложил в сторону, чтобы остыли. Их я собирался съесть на ночь, перед тем как лягу спать. Да, конечно, это не активированный уголь, но выбора не оставалось. Вырыв в песке ямку до той глубины, пока она не наполнилась водой, я подтянул поближе самый большой осколок камня, используя его в качестве точила. Терпение и упорство – великие добродетели. Судя по ощущениям, часам к двум ночи у меня были готовы двенадцать пусть и не очень ровных, но достаточно увесистых и острых наконечников для стрел. Разумеется, в мастерской из старого напильника я бы наклепал их штук сто за то же самое время, но про собственную мастерскую следует забыть, дабы не трепать себе нервы и не сожалеть о том, чего нет.

Есть данность, тот мир и та реальность, которые я воспринимаю органами чувств. Все остальное – миф, иллюзия, морок! Мечты и воспоминания только сбьют с ритма, а я по опыту знаю, что сбейся с заданного ритма хоть раз, потом очень сложно настроиться. Это как во время строевой подготовки на плацу. Тебя наказывают не за то, что ты плохо маршируешь, а за то, что учишься наверстывать общий ритм, вместо того чтобы идти со всеми в ногу. Тогда, в училище, я вовсе не понимал смысла строевой подготовки. И только сейчас, через пять лет до меня стало доходить, чего же от нас все-таки хотели. Общности, слаженности, универсальности, а не самостоятельности. Заданный

ритм очень дисциплинирует, помогает сосредоточиться и не вываливаться из стройного марширующего ряда.

Мне одно время очень нравилось работать по ночам. Я приходил на работу в восемь вечера и уходил в шесть утра. А что, хорошо, никто не мешает, не лезет с вопросами, не рвется в мастерскую поглазеть с предлогом «погреться». Но такой ритм не типичен для города или для семьи, в которой я жил. Мне нравилось, что иду домой отдыхать как раз в то время, когда весь город только продирает глаза и собирается на работу. Но я был разбалансирован таким режимом, у меня был очень тревожный и неполный сон, я стал быстрее уставать, раздражался по пустякам. Родным приходилось днем вести себя тихо, с оглядкой на то, что я, видите ли, завалился спать! Вот почему пришлось вернуться к общему ритму. Как все, вставать утром, пусть и не очень рано, но все же идти на работу, вливаясь в обычный утренний человеческий поток, растекавшийся мелкими ручейками по своим ремеслам.

На рассвете я проснулся с четким пониманием того, где нахожусь и что надо делать. Мной руководили инстинкты, а не разум. Уставший от травяных отваров организм требовал еды. Нормальной, полноценной еды, чтобы забить стонущий желудок. Луком я решил заняться после завтрака, ну а на завтрак кроме вареных грибов и горсти еле поспевших орехов ничего не светило.

В свете дня, когда мое примитивное оружие было готово к испытаниям, я только порадовался тому, что этот «шедевр» не увидят мои знакомые. Показать эдакое творение было бы стыдно. Но сейчас мне было не до эстетики. Не сильно-то надеясь на хорошие боевые качества и запас прочности, я решил ограничить испытания. Разумеется, убить стрелой зайца вполне возможно, если попаду, но вот зверь покрупней от таких стрел не пострадает. Не говоря уже о человеке. При натяжении лук трещал, а тетива, сделанная из одного шнурка, норовила лопнуть. Стрела, выпущенная с двадцати шагов, не могла даже воткнуться в дерево, хоть я и думал, что делаю с запасом прочности.

Второй серьезной проблемой в добыче пищи стал удивительный факт того, что все звери, которые прежде то и дело попадались мне на глаза, словно почували неладное и странным образом куда-то исчезли. Даже те лесные пташки, которые все утро горланили в ветвях деревьев, будто испарились. Обойдя прилегающий лес, я понял, что ничего здесь не найду. Остаться на берегу больше не было смысла. Я собрал вещи, прихватил найденный кувшин с отколотой горловиной и

отправился дальше, вниз по реке.

Дикость и дремучесть леса, чистая вода в реке и в родниках, попадавшихся с завидным постоянством, все больше убеждали меня, что это несовременный, незнакомый мне мир.

Какая-то совершенно нейтральная, отстраненная часть мозга, не зависящая от эмоций, анализировала события с бесстрастностью компьютера. И в то же время в голове насмерть бились ужас и отчаянье, пусть еще не в самой критической форме, что походило на откровенный бунт сознания. Одновременно меня не покидало какое-то восторженное, фантастичное ощущение собственной избранности, эйфория от одной только мысли о том, что мне удалось оказаться в мире, за один только взгляд на который прочие исследователи отдадут жизнь не раздумывая.

За то время, что бродил по лесу, покинув уютное лежбище на берегу, я сделал десять выстрелов по мелькавшему в зарослях серому ушастому призраку. В трех из них я был совершенно уверен, но, увы, все десять оказались холостыми. Вконец обнаглевший заяц, похоже, принял охоту на него за игру, то и дело попадаясь на глаза с наглой и тупой мордой, совершенно невредимый. Ни моим обедом, ни ужином он не стал, как и фазан, трепавший мне нервы тем, что пару раз вылетал прямо из под ног как раз в тот момент, когда я уже и не надеялся его найти. Одним словом, охотник сегодня из меня получился аховый.

Злой и голодный, вспотевший от беготни за бестолковой живностью, никак не желавшей угодить мне на обед, я уже подыскивал грибные полянки и место для ночлега. Думал, что хорошо бы было все-таки вернуться в ту деревню, если еще не ушли вниз по реке торговцы, напроситься к ним, пусть хоть не за плату, за еду, но все равно шел не оглядываясь.

Если я буду держаться в стороне от людей, я ничего не выгадаю. Так и не научусь общаться, понимать их язык, если стану бродить по лесам. Рано или поздно мне придется искать поселок или город, караван торговцев, к которому я смогу примкнуть или хотя бы напроситься в попутчики. Мои познания в истории на поверку оказались ничтожными. Что я знал об этом мире? Ноль! Ничего! Я даже не знал, что это за мир! Какое это время, что за место? Одних собственных умозаключений явно недостаточно, чтобы выстраивать картину окружающего мира. Просто необходимо выйти к людям и наконец все для себя выяснить! Где я, какой год, кто тут главный и как мне дальше жить. Сейчас каждый шаг в

любом направлении – это шаг в пустоту, в неизвестность. Еще повезло, что сейчас лето. Зимой бы давно уже дал дуба, скрючился бы безымянным «подснежником» у погасшего костра на радость падальщикам. Если бы судьбе было угодно уничтожить меня таким сложным, экстремальным, я бы даже сказал, экзотическим способом, она бы давно уже это сделала.

Но я еще жив, а следовательно, имею право жить дальше. Но мне нужна информация. Без данных о местности и ее обитателях я не смогу принимать правильных решений, и промахи, как в сегодняшней охоте, будут только учащаться.

Я просто в приказном порядке решил для себя, что эта ночь в таких бессмысленных и пустых скитаниях по дикому лесу станет последней. Надо вернуться на ту дорогу, вдоль которой я шел все это время, и добраться до людей. Сейчас подойдет любой населенный пункт. Деревня, город – не имеет значения. Мне нужно общение, сумма информации, в противном случае я просто откладываю неизбежное.

Увлеченный собственными мыслями, я вышел к низине, обильно поросшей ярко-зеленым мхом, пейзаж был колоритный, живописный, но я подумал, что в таких оврагах не ровен час угодишь в болото, и тут мне в спину уперлось что-то очень острое.

В первое мгновение я решил, что это ветка дерева, но, увы, когда сознание сконцентрировалось, я понял, что за спиной у меня кто-то стоит, и легкое покалывание между лопаток – не что иное, как оружие, нацеленное мне как раз под сердце. Удивляюсь, как незнакомец умудрился подобраться ко мне так незаметно и бесшумно.

Разведя руки, я отбросил бестолковый и ненадежный лук, сверток из фартука с пожитками и стрелы: сейчас свободные руки – самое проверенное оружие. Посох прислонил к бедру. В голове промелькнули даже не воспоминания, а какие-то рваные эпизоды рукопашной подготовки. Вечно красневшая рожа майора, который с остервенением швырял нас сначала на маты в зале, а потом на голый асфальт...

Итак – разворот через левое плечо, рука вниз, правой в челюсть или в кадык. Перехват оружия, удар коленом в грудь, добивание локтем или оружием на

поражение – зависит от ситуации... но почему-то не решаюсь. Нет, не страшно, как-то непривычно, неправильно. Вот так вот, сразу, с оттягом и... в челюсть. Ни здравствуйте, ни до свиданья, хлоп – и готово. Хотя с какой стати я буду здороваться? Тем более когда тычут чем-то острым в спину. Секунды отщелкивались огромным маятником, медленно, неспешно. Если это просто грабитель, то действует он очень неверно. Нож, если это его лезвие прижалось к моей спине, так не приставляют. Если сабля или копье, то с ним еще хуже. Оружие громоздкое, в ближнем бою бестолковое. Надо полагать, что незнакомец хочет пообщаться, а оружие, приставленное к спине, не больше чем способ привлечь внимание. Будь я на месте грабителя, с любым оружием в руках, используя тот факт, что смог подобраться незамеченным, я бы просто бил. Без затей, не спрашивая имени и звания, на поражение. А этот даже кольнул как-то не сильно, словно бы нерешительно.

– Вицу рыть! Зинуть нать або диво, щербота козарьская!

От этой фразы мне стало только смешно. Хоть я и понял всего два слова. Больше веселила именно серьезность и тон, которым незнакомец произнес ее. Во мне совершенно не дрогнула ни одна клеточка, даже эффект неожиданности не заставил меня напрячься. Видимо, я был просто рад тому, что встретил в этой глуши человека, пусть и такого агрессивного, который при первой же встрече наставил на меня оружие. Наверное, здесь так принято. Не было сомнений в том, что я быстро отучу его от этой дурной привычки. Однако нельзя быть таким самонадеянным. Ведь застал же он меня врасплох. Сейчас главное, что это живой человек и, похоже, один, с которым можно пообщаться без лишних глаз, не стесняясь своей чуждости.

– Меня зовут Артур! Я здесь грибочки собираю, и мне очень не нравится, когда на меня наставляют оружие...

Сказав это, я мгновенно развернулся, как и планировал, резко, с перехватом оружия противника, но без продолжения, в смысле без последующего удара в челюсть.

Оружием, которое я отвел от себя, была сулица – короткое метательное копье или дротик. Надо быть опытным воином или охотником, чтобы использовать такое оружие. Это, конечно, не копье, но и не стрела, так, нечто среднее. Всегда удивлялся, как такой хлипкой штуковиной можно было добиться результата в бою или на охоте.

Человек, держащий ее, был коренаст, чуть выше тех, с кем мне уже приходилось встречаться, но все равно невысокий. Полтора метра с хвостиком, но широкий, почти квадратный.

Увидев улыбку на моем лице, незнакомец отпрянул, но его оружие, которое я крепко удерживал левой рукой, мешало отодвинуться дальше, чем на длину древка.

– Ты что же, мил человек! Грабить меня собрался?! Или у вас так принято с незнакомцами разговор заводить?!

– Волыкай! – ляпнул незнакомец и еще больше отшатнулся, безуспешно пытаясь выдернуть свое оружие.

Я уже слышал это слово в мой адрес от недавних знакомых, вот только не знал, что оно означает. Может какое-то особое прозвище для незнакомцев. Хотя сами-то они откуда? Чай, тоже не местные – босота казанская!

В глазах мужика читались испуг и гнев. Странный сплав чувств. Он понимал, что соперник на полметра выше и явно сильнее. Догадывался также, что без боя я своих скромных пожитков не отдам, да и убежать от меня он так просто не сумеет. Без сомнений, во мне читалось намерение хорошенько навалить задире, а то и самого же его ограбить. Незнакомец то ли силы свои не рассчитал, то ли меня посчитал калекой убогим, не знаю, но он явно жалел о таком опрометчивом поступке.

Бить его я не собирался. Ну если только рывнется, так, для профилактики, чтобы расставить акценты.

По опыту знаю, что любой острый предмет в руках даже полного профана – вещь очень опасная. И как несостоявшийся офицер десантных войск, и как кузнец я был великолепно осведомлен о свойствах и возможностях практически любого холодного оружия. Сулица в руках незнакомца в этом смысле ничуть не противоречила моим знаниям. Оружие крайне опасное. Достаточно острое, чтобы вспороть незащищенное тело, и легкое в применении. Проще говоря – небольшой нож на длинной палке. Еще не копье, но уже не стрела. Странно, почему он промедлил?

– Послушай-ка меня, мордатый! Если ты сейчас же не уберешь оружие, мамой клянусь, я тебе так наваляю, всю жизнь помнить будешь! – припугнул я зависшего было налетчика.

Он не понимал моих слов, я это видел, но вполне четко и однозначно уловил интонацию. Короткий дротик тут же принял вертикальное положение. Я еще раз демонстративно развел руки, показывая, что совершенно безоружен.

– Что означает слово «волькай»? И не щурься! Я ведь знаю, что ты меня понимаешь!

– Волькай, на язык косою! С раменья схожий.

– С раменья! – ухмыльнулся я – Кто бы говорил про дремучий лес, пугало ты косматое! Это я-то из дикого леса?! Ты когда в зеркало последний раз смотрелся?! Шиш ты кудлатый.

На лице незнакомца наметилась улыбка. Понял, гад, что я его высмеиваю. А коль понял, то все не так уж плохо. Значит, можно найти общий язык.

– И давно ты за мной хвостом увязался, шиш?

– Петр, – сказал охотник и стукнул себя в грудь кулаком.

Затем он оттянул ворот рубахи, демонстрируя мне нагрудный крестик. Довольно увесистый, бронзовый, грубо отлитый или выкованный в штампе.

– Рязанский? – спросил я, даже не ожидая, что тот мне ответит внятно.

На этот вопрос Петр только засмеялся и махнул рукой.

– От Славутича иду, высокой водой, семь зим как.

– От Славутича? – удивился я, не помня, где уже слышал это слово.

– От Киева шел в Новоград. В Суздале Муром баять добрый лес аж по самый Этиль.

– Так, все, хватит! – возмутился я. – И, вроде, по-русски говоришь, а один черт – ни хрена не понятно! Меня зовут Артур. Я пришел издалека! Поможешь мне?

На мое счастье, парень попался сообразительный. Возможно, он даже понимал часть сказанного, но по-своему. В любом случае, оружие он опустил острием вниз и прошел чуть вперед. Дождался, пока я возьму обратно свои пожитки, и махнул рукой, предлагая следовать за ним.

Лес Петру был знаком как свои пять пальцев, ориентировался он так, будто в нем и родился. Прокладывая путь через заросли, он без умолку говорил, благо что не одна из его фраз не заканчивалась вопросительной интонацией. Он просто вещал, не очень-то надеясь, что я его понимаю. К счастью, я понимал примерно треть из всего сказанного. Интонация, знакомые слова и жесты руками значительно помогали в осмыслении безудержного потока информации.

Я узнал, что Петр пришел из Киева. Были какие-то весьма веские причины на то, что он, крещеный человек, чему он придавал очень большое значение, был вынужден покинуть теплые края и отправиться на север, в Новгород, если я правильно все понял. Затем он скитался в верховьях реки Этиль, возможно, что это просто неизвестное мне название реки. По всей видимости, судоходной, ведь я слышал уже это название возле пристани в поселке, куда пришли ладьи купца. В здешних лесах Петра привлекали, как я понял, огромное количество пушного зверья и вольница. Мол, «пока бояре овцу делят, половец стадо взял», примерно так я для себя перевел его высказывание. Речь Петра, такую знакомую и такую чуждую одновременно, действительно приходилось переводить, словно иностранную. Но надо отметить, что в его рассказе слышалось многим больше знакомых слов, чем даже в стане у лодочников, приютивших меня на ночь. Хотя они люди пришлые и общались в основном на своем языке. С жителями деревни я так и не успел пообщаться, так что словарного запаса для нормального общения не хватало.

Несколько раз Петр останавливался, чтобы осмотреться. Теперь он становился все дружелюбнее, видя во мне не проявление агрессии, а только искреннее желание общаться. Может, я очень наивный человек, но хотелось верить, что не ошибаюсь в своих предположениях, и эпизод с копьем, приставленным к моей спине, как-то быстро ушел на второй план.

В животе урчало от голода. Мне даже идти становилось все труднее. Мало того, что голодный как собака, да еще и совсем охромевший. Не знаю, с чего так разболелась нога – вроде и шваркнулся на землю не сильно. Однако, преодолевая боль, словно привязанный невидимой веревкой к неторопливо шагающему впереди коренастому силуэту, продолжаю идти неизвестно куда. Мы прошли по густеющему лесу примерно километров пять или шесть. Вот тут я позавидовал Петру с его небольшим ростом. Корявый крепыш так ловко подныривал под стволы поваленных деревьев, протискивался под кустами, перепрыгивал какие-то овражки, да так непринужденно и легко, что я диву давался. На его фоне я смотрелся просто неуклюжим медведем. Мало того, что не получалось вспомнить дорогу, по которой мы шли все это время, я еще и расцарапал себе лицо, промочил ноги и, похоже, обломал лбом все низкие ветки. В какой-то момент подумалось, что такое явное дружелюбие может быть с подвохом, и на самом деле меня просто уведут подальше от свидетелей. Либо волокут к ловчей яме, либо в лапы товарищей, притаившихся в условленном месте. Эта мысль возникала в моей голове не раз и не два, но я всячески гнал ее прочь.

Разглядывая одежду Петра, я подумал об универсальности. Даже на первый взгляд все было необычным. Костюм, словно бы специально созданный для долгой жизни в лесу. Штаны войлочные, потертые, засаленные, но еще прочные. Онучей, обмоток он не носил, вместо лаптей на ногах красовались легкие кожаные туфли на тонкой подошве. Не знал, как они называются, но уж не лапти, это точно. Поверх грубой полотняной рубашки, совершенно потерявшей цвет, была надета меховая жилетка и кожаная куртка, причем, если не ошибаюсь, то кожа была рыба. Городские красотики удавились бы от зависти к такому прикиду. Голову Петра нелепой нашлепкой покрывала плетеная из обычной коровьей кожи шапка, так же, как и штаны, давно потерявшая и форму и цвет. Петр был хоть и крепкий, но сутулый, ростом примерно метр шестьдесят, если бы выпрямился. Руки грубые, бугристые, пальцы сбиты, ногти содраны, обломаны. Жиденькая борода сплетена в тоненькую косичку где-то на уровне кадыка, волосы посеченные, кое-как подрезанные, словно подпаленные. На вид ему было лет сорок, может, чуть больше. Глаза большие, карие, очень подвижные. Огромные уши, мясистый нос, широкая переносица. На правой стороне лица, возле рта, заметный старый шрам, кривой, грубый. Если судить по повадкам и внешним данным, мужик был не робкого десятка, но и такой, что без надобности в драку не полезет. С оружием, коротким дротиком, управлялся умело, привычно. Нож на поясе был тоже странный. Про такой так и хотелось сказать – якутский. Короткий, широкий и в потертых меховых ножнах. Рукоятка

ножа была костяной, с каким-то резным орнаментом.

Мы вышли к болоту. Самому натуральному болоту, с трясинной и гнилыми островами давно поваленных деревьев. Комары, мошка, лягушки, запах тины. Петр остановился на опушке, вытаскивая из кустов длинный шест. По всему видно, этой дорогой он ходил не раз и не два, а чуть ли не каждый день.

Тропинка через топь, вопреки ожиданиям, оказалась легкой, даже не пришлось лезть в воду. Перебрались на другую сторону по довольно устойчивым и твердым кочкам, словно бы островкам или камням, торчащим из воды. Был бы я без проводника, то, разумеется, не нашел бы этой тропинки, но с таким уверенным и ловким провожатым путь показался нетрудным. Дальше были очень густой ельник, небольшой подъем по заметной тропинке и опять поляна, со всех сторон, как частокотом, окруженная елками. На окраине поляны стояла хижина. Это был не дом, но и не землянка. Срубленная из толстых бревен, довольно капитальная избушка с покатою крышей, выложенной землей и травой. Впечатление было такое, что из поляны вырезали часть почвы вместе с луговыми травами и постелили на крышу, как платок. В хибаре была одна единственная дверь и ни одного окна. В тесной комнате я мог стоять в полный рост, но только потому, что там не было потолка, а последний венец сруба приходился мне как раз на уровне плеча.

Увидев в углу комнаты лавку, я сел на нее, не спрашивая разрешения. Петр стал греметь какой-то посудой, плошками, деревянными мисками, снял с полки кузовок, в котором была какая-то крупа. Мысль о еде выветрила из головы все вопросы и темы для разговоров, но я все же отвлекся и спросил:

– Какой сейчас год?

Охотник смотрел на меня с удивлением и недоумением. Возможно, что он не понял самого вопроса или слов, но я попытался повторить:

– Год? Век? Столетие? От Рождества?

В голове мелькнула странная мысль. Если после нескольких объяснений и попыток Петр так и не сможет ответить на этот вопрос, то вся моя теория о том, что я попал в прошлое, а не в параллельный мир, просто отваливается за ненадобностью.

Но, к счастью, Петр понял и стал методично загибать пальцы, видимо, сам для себя ведя подсчет. Но я даже не напрягался, чтобы его понять. Сам же буквально на днях, если можно так выразиться в моем положении, читал блог в интернете, где несколько специалистов обсуждали этот вопрос. В подтверждение моих мыслей Петр макнул в керамическую лампу пальцем и написал на посеревшем от копоти бревне невнятные каракули, лишь отдаленно напоминающие буквы. Хорошо хоть грамотный попался. Судя по всему, охотник не прост. Как он сам сказал – пришел из Киева, крещеный. Бубнил какие-то псалмы или молитвы, следовательно, читал. Но вот я на его фоне совершенно безграмотный человек. Я не умею читать даты, записанные буквами.

Вот ведь нелепость! Благо хоть буквы на русские похожи, но что с них проку. Придется выяснять дату каким-то другим способом.

Ну что ж, дату я пока узнать не могу. Определию хотя бы местоположение. С новым знакомым общаться показалось гораздо проще, чем даже с кузнецами или людом на пристани.

– Далеко ли до Рязани? Знаешь, где она находится?

В ответ на это Петр только утвердительно кивнул, сдерживая кривую ухмылку. Наверняка моя обычная речь казалась ему чуждой, непривычной, смешной.

У Петра в хижине на болотах, скрытой от посторонних глаз, было более чем скромно. Но жить можно. Без излишеств, но весьма терпимо. Из его кучерявой и шипящей речи я понял, что он еще ночью заприметил мой огонь у реки и решил проследить. Петр сказал, что он охотник, и наверное не меньше получаса демонстрировал мне свои охотничьи трофеи, состоящие в основном из беличьих и лисьих шкурок – их он считал самыми ценными. Меха кроликов, волков, бобров ценил чуть ниже. Также из разговора я понял, что именно за белок и бобров платили больше всего. На мое счастье, Петр трепался без устали, давая мне пищу для размышлений.

Нового знакомого удивляла моя одежда. Он говорил, что никогда прежде не видел такой. Удивлялся он и тому, что я совершенно безоружен и не могу объяснить, откуда взялся в этих краях. Из обрывков фраз стало ясно, что христиан в этих местах не жаловали, и потому, показывая мне свой нательный крестик, Петр сильно рисковал нарваться на бурную теологическую беседу с

рукоприкладством. Я напряженно слушал его, силясь понять, а сам думал о том, что из всего сказанного вырисовывается очень сложная, многослойная картина. Я не специалист по истории: школьный курс и десяток сомнительных статей, пара экскурсий в краеведческий музей – вот, собственно, и все мои познания. Но я точно знал, что недавно, в конце девяностых годов моего времени, праздновалось тысячелетие крещения Руси. Плюс к этому мне известно, что Рязань старше Москвы и основана еще до крещения. Про Москву Петр знал, но вспомнил с трудом или я неправильно произнес название. Возможно, что прежде были другие. Если здесь не любят христиан, значит, крещение произошло сравнительно недавно. Я вспомнил тот странный столб в деревне, где на меня бросились мужики с вилами, признав во мне половца. Камни вокруг этого столба – наверняка какое-то языческое капище, местный алтарь. Логично, что он находился на тропинке, ведущей из деревни. Язычники живут по соседству с христианами. Не знаю, как первые уживаются со вторыми, но уверен, что без конфликтов не обходится. Ох уж мне эти религиозные конфликты! В моем времени весь мир на них помешался. Тут еще не хватало вляпаться в какие-нибудь разборки в стиле джихад.

А как же тогда торговцы на пристани в деревне? Эти явно были с юга. Если поднимались вверх по Волге, то, стало быть, из самой Золотой Орды! Стоп! Какая, к черту, Золотая Орда! Если я все правильно помню, Батый напал на Русь в тринадцатом веке. Вырезал всех, кто вел себя сильно независимо. Прошел саранчой до Дуная, развернулся и с теми же дурными манерами двинулся обратно, подчищая те города, что в спешке завоевания проскочил стороной. Судя по официальной истории, тогда от Рязани камня на камне не осталось, один большой могильник. А Петр говорит, что с городом все в порядке. А при словах «татары», «монголы», «Батый» и «Орда» только пожимает плечами! Выходит, что в первых своих прикидках я дал серьезную промашку. Это не шестнадцатый век, как я предполагал вначале, это промежуток между десятым и тринадцатым. Промежуточек, конечно, не мелкий, но более точно я пока определить не могу. Я не знаю имен князей, бояр, не знаю дат и событий. По каким признакам еще я могу определить дату? Войны, затмения, засухи? Вилами на воде писаны все мои догадки. Откуда мне знать, где я на самом деле? Очевидно, это особенность сознания. Опираясь на привычные и знакомые понятия, даты и события, человек, попадая в подобные ситуации информационной блокады, защищает свой разум от сумасшествия.

Мне стало грустно. Ужасно захотелось домой в свой любимый, уютный город, к друзьям, к родным. Машина времени в виде подковки на большой железной подставке осталась единственной надеждой на возвращение. Если я смог

запустить этот механизм, артефакт, раритет или как там его, один раз, то со второй попыткой тянуть не стоит. Мне нужно всего лишь воссоздать условия, которые были у меня в мастерской до того, как я принес это адское устройство. Следовательно, мне нужна кузница. В месте, где железо ценится и добывается с трудом, устроить свою собственную мастерскую будет очень непросто! Даже обладая знаниями, я окажусь беспомощен, потому что большую часть времени буду занят только выживанием.

Петр как раз приготовил в очаге пару куропаток, довольно мелких и костлявых, но сейчас я был рад и такому угощению. Если этот доброжелательный на вид человек поможет мне освоиться в новом для меня мире, то, наверное, с течением времени я смогу чего-то добиться. Разберусь в нюансах и тонкостях, смогу занять достойное место, научусь понимать, о чем со мной говорят. Пока мне с трудом дается язык и здешний уклад жизни. Но я должен привыкнуть! Должен сделать все возможное, чтобы еще раз попробовать запустить таинственный камертон. Даже не хочу думать о том, что случится, когда он вдруг опять сработает. Вернет ли он меня в то время, откуда взял, отбросит еще на тысячу лет назад или вовсе уничтожит – я никогда этого не узнаю, если так и буду сидеть, ничего не делая.

3

Вот уже два месяца, как я живу в прошлом. Нет, не так: я живу прошлым, тем, что было у меня до этого абсурдного настоящего. По всей видимости, в первые дни появления здесь я просто пребывал в состоянии шока – терялся в собственных воспоминаниях, путал прошлую жизнь и жизнь, а вернее сказать, существование сегодняшнее. Пребывая словно в летаргическом сне, в каком-то забвении, я проводил время в домике Петра, на болотах, теряя счет дням.

Сам для себя я назвал это время вынужденным карантином. Я привыкал делать простую повседневную работу. Собирал дрова, чистил и ремонтировал дом, ходил с Петром на охоту, учился понимать его речь. Чувствовал себя как беспомощный ребенок, оставленный на попечение терпеливого, но сурового, совершенно постороннего человека. Сам он не знал, как ко мне относиться, но то, что я ему интересен, было несомненно. Петр удивлялся тому, что я не знаю элементарных вещей, примитивных бытовых хитростей, но еще больше

поражался моим странным, незнакомым навыкам.

Мы уже хорошо ладили, худо-бедно нашли общий язык и довольно уверенно понимали друг друга. Наконец настал момент, когда мои старания в изучении языка плодотворно сказались на нашем общении. Петр был очень рад, что нашел себе партнера и собеседника, помощника в охоте. Я тоже привыкал и радовался счастливому случаю, что позволил нам встретиться. Не встречу я Петра или он меня, не знаю, как сложилась бы дальнейшая судьба.

По ночам уже случались заморозки, дожди превратили дороги и тропинки в непролазное месиво, весь окрестный лес просто хлюпал под ногами. На охоту мы не выходили уже неделю. Петр сказал, что нужно подождать, пока у зверя кончится линька. Я не терял времени даром и, не имея пока возможности построить собственную кузницу, решил ограничиться гончарной мастерской. Дело в том, что и с этим ремеслом я был немного знаком. Когда впервые взял в аренду старый цех на заводе, чтобы чуточку облегчить бремя арендной платы, мы разделили расходы с одним весьма экстравагантным художником. Он занимал всего лишь крохотный уголок в большом цеху и целыми днями работал с глиной, превращая ее в разнообразную керамику. У него был гончарный круг, сушильный шкаф и большая угольная печь. Бывало, что он просил меня сделать какой-либо инструмент, и всегда с удовольствием рассказывал об особенностях работы с глиной, ничего не скрывая, чем грешат многие «профи». Видимо, искренность нашего общения объяснялась тем, что мы принадлежали к разным ремесленным цехам. Мы проработали вместе почти год, потом он свернул свое крохотное производство и куда-то исчез. За то время, что мы были знакомы, я успел нахвататься верхов и потому смело взялся за строительство подобной печи в доме у Петра, уверенный в том, что все у меня получится, тем более что его очага грядущей зимой будет явно недостаточно. Не без промашек, но задуманное получалось. Я успел приготовить до холодов большую угольную яму, куда целыми днями таскал дрова для выжигания и переделки в уголь. Решил, что раз не могу сделать кузницу, так займусь гончарным делом, но не позволю себе сидеть на чужой шее. Петр, глядя на мою возню и устроенный бардак, сердито сопел, относясь к этой затее весьма скептически, однако не мешал.

Как-то утром, весь задеревеневший после долгого сна, я буквально выкарабкался из дома на поляну, чувствуя, что надо менять режим. Решил размяться, погонять кровь. После легкой разминки стал повторять приемы, выпады, те, что еще помнил после училища. Петр долго наблюдал за моими действиями, сидя неподалеку на пне, затем шмыгнул в дом и вернулся уже

вооруженный двумя мечами. Первой моей мыслью было то, что он предложит мне спарринг, учебный бой. Но нет, Петр взял оба меча за рукояти и тоже стал разминаться, скинув рубашку. Управлялся он с двумя клинками довольно проворно и сноровисто. Сразу становилось ясно, что неспроста он проделал такой долгий семилетний путь из Киева. Были на то причины, и притом весьма веские. Я с интересом наблюдал, отмечал какие-то хитрые финты и выпады, особенности наносимых ударов, и понял, что мастерство моего товарища совсем не любительское, а весьма профессиональное. В какой-то момент он без всякого предупреждения бросился в атаку. Я еле успел отпрянуть от стальных лезвий, чуть не споткнувшись об пень. Петр напирал очень грамотно и не давал возможности приблизиться. Мечи были настоящие, заточенные как надо, и по всему было видно, что поблажек он мне давать не собирался. Петр не тратил сил, был сосредоточен и напорист. Позже я понял: если бы он молотил клинками, как лопастями мельницы, он бы быстро вымотался. Но лишних движений Петр почти не делал, обходился лишь теми, что были необходимы для упреждения моей предполагаемой атаки.

Естественно, учитывая мой рост и габариты, удара ноги с разворота он ожидать не мог. Просто слишком неравные весовые категории. Я, разумеется, в своей опрометчивой атаке рисковал угодить пяткой на острие, но не угодил. Клинки звякнули, складываясь вместе от удара, Петр стал заваливаться на бок, а я уже занес кулак над его горлом и остановил удар, только обозначив прямое попадание в кадык.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/rymzhanov_timur/hromoy-strannik

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)